

Повелители волков

Автор:

Виталий Гладкий

Повелители волков

Виталий Дмитриевич Гладкий

Исторические приключения (Вече)

Конец VI века до н. э. Правитель Персидской державы, «царь царей» Дарий I, восстановив спокойствие и порядок в своем государстве, ощутил необходимость в большой и, конечно, победоносной войне, которая должна была сблизить разнородные племена его государства и вместе с тем послужить испытанием твердости этого союза. Он задумал поход против причерноморских скифов и около 512 года до н. э. вторгся с огромным войском в Северное Причерноморье. Но на борьбу с завоевателем поднялись не только скифы, а почти все народы между Доном и Днепром. Особый же вклад в разгром персов внесло немногочисленное и смелое племя джанийцев, которых соседи прозвали «повелителями волков» за их умение вступать в союз с этими гордыми и беспощадными зверями!

Виталий Гладкий

Повелители волков

© Гладкий В. Д., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Пролог

Тьма

Едва небо на востоке окрасилось в пурпурный цвет, обширная равнина на Фракийском побережье пришла в движение – огромная армия персов начала готовиться к смотру. Везде запылали костры, и полусонные кашевары, самые негодные из воинов, большие лентяи и лежебоки, подгоняемые пинками своих командиров, начали готовить завтрак. Сменились пешие дозоры, и в лагерь начали возвращаться конные разъезды. А под стенами крепости гетов[1 - Геты – древний воинственный фракийский народ, родственник дакам, с которыми его смешивали римляне; жил во времена Геродота между Балканами и Дунаем.], которую еще вчера пришлось брать с боя, на обширном поле для конных ристалищ, суетился темник-байварапатиш Фарнабаз – сгонял десять тысяч воинов в единую, плотно сбитую массу.

Армия персов не знала строя, поэтому Фарнабазу и тысяцким-хазарапатишам пришлось здорово потрудиться, чтобы начать воплощение плана своего повелителя, царя царей Дараявауша, которого надменные эллины называли Дарием[2 - Дарий I (Дараявауш) – персидский царь, правил в 522–486 гг. до н. э. Представитель младшей линии Ахеменидов, сын Виштаспы (греч. – Гистаспа).]. Царь Персии хотел сосчитать свое несметное войско, перед тем как обрушиться на земли заморских саев[3 - Заморские саи – так персы называли скифов; саи – это самоназвание «царских» скифов.]. Воины многих покоренных народов и племен шли за ним, но сколько их, не знал даже главный советник царя Ксифодр, изрядно поднаторевший в подсчетах огромной ежегодной дани, которую присылали в новую столицу Парсастахру[4 - Парсастахра (перс.) – Персеполис (греч.) – древнеперсидский город, возникший в VI–V вв. до н. э., одна из столиц огромной империи Ахеменидов.] правители провинций – сатрапы.

Наконец десять тысяч воинов образовали почти правильный квадрат, который тут же очертили острием копья, а затем, когда равнина опустела, вступили в дело плотники. Довольно сноровисто они соорудили по очерченному контуру прочную изгородь с широкими воротами – наподобие загона для скота, и поторопились за своей порцией просяной каши, потому что в этом деле нельзя было зевать; кто не успел, тот опоздал, а на лишнюю порцию было много охочих.

Когда бог Мифра показал над морем краешек своего сияющего лика, к смотру все было готово. Военачальники персов неотрывно следили за стенами крепости, чтобы не пропустить момент появления своего повелителя. Но вот над мрачными камнями блеснул золотым шитьем квадратный царский штандарт – золотой орел на красном поле, и сам Дарий приветственно взмахнул рукой, после чего огромная равнина взорвалась единым воплем из многих тысяч луженых глоток.

Начался смотр. Воинов сгоняли в загородку словно баранов, и после того, как царский писец делал запись на глиняной дощечке, их место занимали другие. Каждые десять тысяч получали своего командира – темника-байварапатиша, который тут же, в некотором отдалении, назначал тысяцких, а те, в свою очередь, разбивали тысячи-хазарабы на сотни – сатабы во главе с сотниками-сатапатишами. Дальнейшее деление должно было происходить в процессе движения – чтобы не мешать остальным: сотни делились на отделения-датабы (десятки) и получали своих начальников-датапатишей, у которых были заместители пасчадатапатиши; командиры отделений старались набрать в свой десяток побольше бывалых ветеранов, из-за чего нередко случались стычки с другими датапатишами... Короче говоря, в любой армии мира и в любые времена происходили и происходят подобные процессы, и огромное войско Дария не было исключением.

Царь завтракал. Он сидел за невысоким столиком на площадке для стрелков с лука, откуда хорошо были видны все манипуляции его военачальников. Слева и справа от него неподвижно застыли «бессмертные» – царская гвардия, его личные телохранители. Места на стенах было немного, поэтому царя охраняла всего одна сотня, хотя «бессмертных» насчитывалось десять тысяч, из них тысяча телохранителей, всегда находившихся рядом с Дарием, и все они шли в поход вместе с царем. Конечно, такая охрана ему не нужна была в данный момент. Но его высокий статус не позволял обойтись лишь прислугой, двумя приближенными – военачальником Мегабазом и Гобрием – и афинянином Мильтиадом[5 - Мильтиад – будущий афинский полководец, который разбил персов в 490 г. до н. э. при Марафоне.], правителем полуострова под названием Херсонес Фракийский, не оказавшего сопротивления его армии и согласившегося стать под царские знамена, которых он пригласил разделить с ним трапезу.

В походе участвовали многие народы и прежде всего персы, которых эллины называли кефенами. На головах у них были мягкие войлочные шапки, на теле – пестрые шерстяные кафтаны с рукавами из железных чешуек, подобных рыбьей

чешуе, на ногах штаны. Вооружены они были плетеными деревянными щитами, большими луками с камышовыми стрелами в колчанах, короткими копьями, а на правом бедре у пояса висел кинжал.

Точно в таком же вооружении выступили в поход гирканы и мидяне-арии. Собственно говоря, у персов было мидийское оружие, как и у киссиев; последние отличались лишь митрой – повязкой на лбу, концы которой свешивались по обеим сторонам лица, – которую они носили вместо войлочных шапок.

У ассирийцев на головах виселись прочные медные шлемы, сплетенные из проволоки каким-то необычным способом. Из вооружения они имели щиты, копья и кинжалы, подобные египетским, а кроме того, еще и деревянные палицы с железной оковкой и льняные панцири.

Бактрийцы носили на головах шапки, похожие на мидийские. Луки у них были необычными – тростниковыми, а копья короткими. Вместе с ними шли и саки в островерхих прямостоящих тюрбанах из войлока. Вооружены они были луками, кинжалами и секирами. Каспии оделись в козьи шкуры и вооружились луками из тростника и персидскими мечами, саранги с мидийскими луками щеголяли пестро раскрашенными одеждами и сапогами до колен.

Арабы, одетые в длинные, высоко подобранные бурнусы, носили на правом плече длинные луки, вогнутые назад, а эфиопы облачились в барсовые и львиные шкуры. Их луки из пальмовых ветвей имели в длину не менее четырех локтей[6 - Локоть – персидский локоть равен 53,3 см.], стрелы были маленькими, камышовыми, а на конце, вместо железного наконечника, острый, особо прочный камень. Кроме того, у них были копья с острием из рога антилопы, а также палицы, обитые железными шипами. Идя в бой, они окрашивали половину тела мелом, а другую – суриком.

Ливийцы выступали в кожаных одеяниях с дротиками, острие которых было обожжено на огне, пафлагонцы шли в поход в плетеных шлемах, с маленькими щитами и небольшими копьями; кроме того, у них были дротики и кинжалы, а на ногах башмаки, доходившие до середины икры. Вооружение лидийцев было похожим на эллинское. Мисийцы носили на головах кожаные шлемы, их вооружение – маленькие щиты и дротики с обожженным на огне острием. Фракийцы надели на головы лисьи шкуры, а сверху длинные пестрые плащи, ноги до колен обмотали козьими шкурами, вооружились дротиками, пращами и маленькими кинжалами.

Писидийцы несли маленькие щиты из невыделанных бычьих шкур. Каждый был вооружен охотничьим копьем ликийской работы, на их головах блистали медные шлемы, к которым были приделаны медные бычьи уши и рога, а ноги они обмотали кусками ткани пурпурного цвета.

И вся эта масса народов и племен проходила перед глазами владыки половины мира, который мог одним своим словом бросить ее в огонь и воду, на верную смерть. Гобрий, сидевший слева от царя, невольно поежился, вспомнив случай перед походом. Когда один из придворных, престарелый Ойобаз, хорошо понимая все опасности предстоящей войны со скифами, попросил царя оставить с ним хотя бы одного из сыновей, Дарий милостиво сказал: «Будь по-твоему. Все твои сыновья останутся с тобой».

Ойобаза по возвращении с аудиенции у царя переполняла радость, что его семья не будет вообще разлучена, но Дарий приказал убить трех молодых людей и послать трупы домой с сопроводительной запиской отцу, что сыновья навечно остаются с ним, освобожденные от воинской службы. Тем самым он предупредил остальную знать, что не потерпит ни малейшего ослушания его приказов и распоряжений, и тем более, никаких сомнений в победоносном окончании похода.

Дарий не стал дожидаться, когда закончится смотр войска. Это действие могло растянуться до самого вечера, так много было народу в войске. Его ждали другие, более неотложные дела. Ему уже доложили, что с разведочного поиска прибыл каппадокийский сатрап Ариарамн. Месяц назад царь приказал ему переправиться на другой берег Ахшайны[7 - Ахшайна - Темно-синее море - персидское название Черного моря.] и взять в плен языка. Ариарамн, переплыв море на тридцати пентеконтерах[8 - Пентеконтера - древнегреческая галера, тип разбойничьего корабля, без палубы (катастрофы), водоизмещением около 10 тонн. Количество гребцов - 50 (24 весла по 2 человека и 2 весла по 1 гребцу); существовала уже в Троянскую войну.], пленил нескольких скифов-саев, причем захватил и брата одного из скифских вождей, найдя его заключенным в оковы за какой-то проступок.

Спустившись во внутренний двор крепости, Дарий увидел Ариарамна, который тут же упал перед ним ниц, как предписывал придворный этикет. Царь недовольно поморщился и приказал:

– Встань! Повелеваю: отныне в походе этот пункт этикета отменяется. Лишь поклон вышестоящему, не более. Иначе мы только то и будем делать, что землю нюхать. Враг времени на это не даст.

– Будет исполнено, повелитель! – засуетились писцы со своими палочками для клинописи и глиняными табличками.

«Будет исполнено!» – зашуршали многочисленные придворные крюкотворы, которые наконец нашли достойное применение и своим талантам. Они тут же стали обсуждать в сторонке, какой глубины поклон должен полагаться царю, сатрапам, военачальникам разных рангов и прочая и как это нужно делать, чтобы немедленно составить закон и подать его на утверждение Дарию.

– Все получилось – лучше не придумаешь! – блеснул белозубой улыбкой Ариарамн. – Сцапали мы птенчиков, не успели они и запищать. Ушли без потерь.

Дарий любил его за бесшабашность и веселый, разбойничий нрав. До него доходили слухи, что пентеконтеры Ариарамна пиратствуют в Ахшайне, нападая на караваны эллинов-колонистов с вином из метрополии и скифским зерном, которое направлялось в Афины. Но он старался его об этом не спрашивать. Зачем царю царей такие мелочи? Тем более, что пиратство во все времена не считалось достойным занятием. Но за размером дани, которую присылал Ариарамн, все-таки следил. Она была явно выше положенной. Это указывало на то, что Ариарамн не скрывает своих «левых» доходов (а если и скрывает, то самую малость), хотя и не болтает о них на всех углах.

– Где они? – спросил Дарий.

– Сюда, повелитель... – Ариарамн провел царя персов к большой клетке в углу двора, в которой сидели скифы – с десятков мужчин и три женщины.

Наверное, царь гетов, которому принадлежала крепость, держал в клетке диких животных, потому что слышался тяжелый запах экскрементов, а рядом стояли двузубые вилы, чтобы держать зверей на нужном расстоянии.

– Спросите у этих... – Дарий брезгливо покрутил пальцем, – кто сейчас у них главный царь?

Ему уже докладывали, что царей у заморских саев несколько, но только один имеет право вершить судьбы остальных и всего народа.

Все беспомощно переглянулись, – никто не знал скифского языка – Дарий нахмурился и послал за переводчиком. Вскоре прибежал знатный эллин по имени Коес, родом из Митилены, что на острове Лесбос. Он не раз бывал в колониях эллинов, расположенных на северном берегу Ахшайны, и общался там со скифами.

Коес перевел вопрос царя пленным скифам. Но в ответ не услышал ни единого слова. Все скифы сидели, потупившись, с отрешенным видом, – наверное, готовились принять смерть. Уж кто-кто, а они точно знали, какая судьба уготована пленникам. Скифы – народ воинственный, поэтому с ними особо не церемонились. А уж персы, тем более – в походе... Пленники – это лишняя обуза.

– Может, поджечь им пятки? – предложил Ариарамн. – Тогда они точно станут посговорчивей.

– Вряд ли, – насмешливо улыбнулся Коес. – Ты не знаешь этого народа. Хоть на кусочки их режь, а толку не добьешься. Они могут все сделать лишь по своей доброй воле.

– О чем вы там переговариваетесь?! – раздраженно спросил Дарий.

– Эти варвары, повелитель, не снисходят до разговора с тобой, – поспешил ответить Ариарамн. – Я предлагаю их немного подогреть, чтобы у них язык развязался. А Коес возражает, говорит, что их ничем не проймешь.

– Возможно и так... – Царь какое-то время размышлял, а затем вдруг прищелкнул пальцами, вспомнив что-то важное, и обратился к сатрапу Каппадокии: – Мне доложили, что ты захватил брата царя заморских саев. Так ли это?

– Точно так, повелитель. Вон он, самый крайний... – Ариарамн указал на мужчину с сидящей бородой, руки которого были взяты в деревянные колодки. – Эй, ты, подними свою башку! С тобой хочет говорить царь царей! Переведи ему, – сказал он Коесу.

Тот перевел. Но скиф даже не шелохнулся, сидел словно каменное изваяние. Тогда Ариарамн схватил вилы и больно ткнул ими в бок пленника. Когда он вернул вилы на место, их зубцы были обагрены кровью, но скиф даже не вздрогнул. Тем не менее голову пленник поднял и посмотрел на Дария со странным прищуром, словно хотел сказать что-то язвительное, но сдерживался.

- Выпустите его из клетки и снимите колодки! - распорядился Дарий.

- Повелитель, это опасно! - подступил к нему Мегабаз, загоревший до черноты рослый муж с густой, тщательно завитой бородой.

- Не думаю, что этот варвар опаснее льва, - снисходительно улыбнулся Дарий.

Все придворные подобострастно захихикали. Уж кто-кто, а они точно знали, что царь царей - великий охотник на львов.

Когда сняли колодки, скиф долго растирал затекшие руки, бросая исподлобья волчьи взгляды на окруживших его персов, а затем стал ровно и посмотрел просто в глаза царю. Дарий, который и сам обладал магнетическим (как он считал) взглядом, невольно стушевался; царю вдруг показалось, что пленник вонзил в его глазницы два невидимых клинка.

Тем не менее перс не подал виду, что проигрывает борьбу взглядами и спросил по-прежнему ровным, звучным голосом:

- Как тебя зовут?

Кое начал было переводить, но скиф понял вопрос и без перевода. На этот раз он ответил:

- Я Марсагет.

- Кто ваш царь?

Кое перевел, и все персы подумали, что столь серьезный пленник вряд ли ответит сразу, без пыток, но они ошибались.

- Нами правит Иданфирс, – спокойно сказал скиф.

- Ты брат Иданфирса?! – приятно удивился царь.

- Нет. Я всего лишь брат вождя одного из племен сколотов[9 - Сколоты – самоназвание скифов; буквально – «царские» скифы, потомки мифического царя племени паралатов Колаксия.]. Его зовут Скифарб.

- Тогда каким образом ты оказался в оковах?

Дарий вдруг подумал, что варвар мог бы пригодиться в походе. Перейти на сторону сильного не считается предательством. Тем более, что этот Марсагет конечно же сильно обижен своим братом.

- Я был чересчур неумерен в возлияниях, – хмуро ответил Марсагет и потупился.

Когда Коес перевел его ответ, придворные тихо захихикали. Этот грех водился не только за варварами, но и за некоторыми из них. Но чтобы за лишнюю чашу вина в колодки...

- У меня к тебе есть предложение, великий царь, – вдруг сказал Марсагет.

- Говори, – милостиво кивнул Дарий, – я слушаю.

- О твоих великих деяниях даже мы слышаны, в наших далеких от Персии краях. Ты завоевал много богатых стран. Но что ты хочешь взять в наших степях? Ты готовишься, великий царь, вторгнуться туда, где не найдешь ни вспаханного поля, ни населенного города, ни каких-либо сокровищ. Единственное наше сокровище – это свобода. Но мы никогда и никому ее не отдадим. Ты потеряешь в наших степях свою славу, а твои воины – жизнь. Поэтому лучшее, что ты можешь сделать, это получить за меня богатый выкуп и уйти покорять другие страны, коих на свете еще немало осталось.

После того как Коес перевел речь Марсагета, во дворе крепости воцарилась гробовая тишина. Придворные боялись даже шелохнуться (да что шелохнуться – лишний раз вздохнуть), ожидая неминуемой грозы со стороны повелителя. Столь дерзкий ответ царю царей должен был стоить варвару не просто головы,

а долгой и мучительной казни. И только Мильтиад смотрел на пленника горящими от возбуждения глазами: «Достойный муж! – думал он. – Какие слова! Афинским бы архонтам[10 - Архонт – высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).] их в уши. Чтобы у них поджилки не тряслись от одного упоминания имени царя Дария».

Но придворные ошиблись. Дарий хорошо владел своими чувствами. После речи пленника он лишь утвердился во мнении, что перед ним незаурядный человек, хоть и варвар, и привлечь его на свою сторону значило получить немалое преимущество в предстоящей войне с заморскими саями.

– Иди за мной! – резко приказал он пленнику.

Они поднялись на стену крепости, где все еще стоял столик с вином и фруктами, а внизу по-прежнему шло нескончаемым потоком разноплеменное войско царя персов – подсчет продолжался.

– Гляди! – величественно молвил Дарий, указав на огромную равнину, сплошь забитую воинством. – Кто и как может остановить эту силу?

Марсагет был поражен. Он даже пошатнулся от неожиданности, а может, от слабости – Ариарамн не счел нужным кормить пленников. Широко открытыми глазами Марсагет наблюдал за Тьмой (так скифы называли что-то необъятное, которое нельзя ни измерить, ни сосчитать, ни описать словами), заполонившей равнину, ограниченную с одной стороны морем, а с другой – плоскогорьем. Наблюдавший за ним Дарий снисходительно улыбнулся и приказал царскому виночерпию:

– Налей ему вина!

Виночерпий нашел чашу повместительней, плеснул туда немного вина из кувшина, и хотел было разбавить его водой (так обычно делали эллины, а персы, чтобы не казаться варварами в глазах просвещенных жителей Эллады, переняли этот обычай), но тут Марсагет, который, похоже, понял указание царя, придержал его за рукав, сам наполнил чашу до краев неразбавленным вином и выпил ее одним духом, чем поразил не только придворных, виночерпия, но и самого Дария.

- Не удивляйтесь, повелитель, - сказал Коес. - Варвары пьют вино, не разбавляя его водой.

Дарий благоразумно промолчал. Зачем этому никчемному эллину знать, что и он тоже не любит, когда доброе выдержанное вино теряет свой вкус и аромат от смешивания с водой. Его удивило лишь то, как лихо опорожнил пленник столь вместительную чашу.

- Мегабаз! - позвал царь. - Варвара переоденьте в чистые одежды и держите под стражей. Он нам еще пригодится.

- А что делать с остальными? - спросил Мегабаз.

Царь небрежно отмахнулся от этого вопроса, и Мегабаз поклонился - он все понял. Отпускать пленных нельзя, тащить с собой - зачем такая обуза? (которую, к тому же, нужно кормить, а с провиантом и так не густо), оставалось последнее, самое надежное в таких случаях средство, - отправить пленников к их богам своим ходом. Спустя какое-то время клетка опустела - воины увели пленников куда-то в камыши, чтобы не были слышны их предсмертные крики, а Марсагета закрыли в одной из комнат крепости, где он погрузился в мрачные думы.

Заметив, что царь начал нудиться от безделья, Мильтиад вкрадчиво сказал:

- Времени до вечера еще много... Но можно его использовать не только разумно, но и с пользой.

- На что ты намекаешь? - оживился царь.

- Здесь неподалеку есть река Теар с обширной долиной, в которой водятся свирепые львы. Поистине царская охота...

- Да! - воскликнул Дарий. - Это именно то, что нужно! Гобрий, ты слышал?

- Я все понял, повелитель. Сколько человек возьмем?

– Пятьсот «бессмертных» для охраны, сотню загонщиков и десяток псарей с собаками.

– Не мало ли охраны, повелитель? – обеспокоенно спросил Мегабаз. – Надо взять хотя бы тысячу. Места здесь чужие, незнакомые, вдруг где-нибудь притаился отряд гетов.

– Делай, как знаешь, – беспечно отмахнулся Дарий; мысленно он уже был на охоте...

Мегабаз был сильно обеспокоен. Временами он кидал злобные взгляды на Мильтиада – какой дэв[11 - Дэв – в персидской мифологии – злой дух.] нашептал этому хитроумному эллину дать совет царю поохотиться на львов?! В том, что стрела попадет в цель, у Мильтиада конечно же не было никаких сомнений. Охота на львов – царская охота.

Царь, хоть и не хотел никому в этом признаваться (даже самому себе), старался подражать своим предшественникам – великим воителям прошлого. К примеру, на заре своего правления египетский фараон Аменхотеп III в течение десяти лет убил сотню свирепых львов. Численность убитых львов, конечно, впечатляла, но способ охоты на них, по мнению Дария, был трусливым и примитивным – льва заманивали к месту, где заранее привязывали быка-наживку. Бык жалобно мычал, тем самым привлекая голодного хищника, а в это время охотники во главе с фараоном сидели в засаде, дожидаясь голодного царя зверей.

Дарию больше импонировал ассирийский царь Ашшурбанипал. Он охотился с загонщиками, которые выгоняли на него разъяренных львов. Но особенно опасной была ночная охота с факелами (в этом Дарий уже успел убедиться). Загонщики отгоняли львов от их логовищ и жгли в плавнях костры, не подпуская зверей к местам их постоянной охоты. Изголодавшиеся львы сутками бродили в поисках добычи, готовые к смертельной схватке, но это лишь подогревало азарт охотников. Поединки со львами в таких случаях происходили с кровопролитием, без жертв не обходилось, но и славы было больше.

Рядом с резвым жеребцом царя нисейской породы бежали два огромных свирепых пса, верные спутники Дария. Он вырастил и обучил их сам, поэтому псы не признавали никаких других хозяев; они даже еду брали из чужих рук только тогда, когда это разрешал царь. Ростом с доброго теленка, с массивными

челюстями и волчьими клыками, они вдвоем могли взять льва. Но Дарий берег их, не разрешал участвовать в травле зверей. А если такое и случалось, то лишь тогда, когда царь был уверен в легкой победе своих питомцев.

Несколько поодаль от царя быстрым шагом, временами переходя на бег, передвигались псари, державшие на поводках собак, не менее свирепых, нежели воспитанники повелителя персов. Собаки были пониже ростом псов царя, но их слегка кривоватые передние лапы и тугие рельефные бугры мускулов на груди подсказывали искушенному наблюдателю, что эти зверюги могут загрызть любого хищника.

Это были боевые собаки персов. Конечно, их использовали и во время охоты на крупного зверя, но главной задачей собак было находиться в боевых порядках армии, в первых рядах, и одним своим видом пугать плохо вооруженные племена варваров. Предшественник Дария, царь Камбиз, при завоевании Египта (чуть больше десяти лет назад) применял при атаках противника своры мощных боевых псов, вес которых достигал больше трех легких царских талантов[12 - Талант – единица массы и счетно-денежная единица, использовавшаяся в античные времена в Европе, Передней Азии и Северной Африке.]. Собаки были в ошейниках с острыми кривыми ножами, а перед самым боем им давали немного похлебки, обильно перемешанной с красным порошком. Пасть у собак после этого надолго становилась ярко-красной, а слюна окрашивалась в цвет крови, что производило неизгладимое впечатление на противника. Кроме того, в пищу боевым псам добавляли также настои трав и растений, значительно снижающих восприимчивость к боли и повышающих агрессивность.

Местность, где обитали львы, и впрямь оказалась не очень далеко от крепости гетов. Обширная долина, по дну которой струилась река, изобиловала камышовыми зарослями, кустарниками и невысокими деревьями. Их высота обуславливалась близостью плоскогорья и холодами в зимнее время. Тем не менее древесные кроны были пышными, зеленели ярко, а поляны сплошь покрывали яркие цветочные ковры.

Вблизи оказалось, что река гораздо шире, чем на первый взгляд. То, что царь увидел с возвышенности, оказалось всего лишь глубоким руслом. Остальное речное пространство, где было совсем мелко, заросло камышом, местами в два человеческих роста. Камыш даже на склоны долины местами забрался; там он был гораздо реже и тоньше, но ровней и стройней – как раз подходил

для древков стрел.

Дарий молча указал на такие участки Мегабазу, и тот с пониманием кивнул – сделаем; завтра же, с утра пораньше, пошлю команды для рубки камыша. Время для этого было – царь решил дать пятидневный отдых своему воинству в ожидании вестей от Мандрокла и Эака, архитекторов-эллинов из острова Самос.

Они уже построили в районе Халкедона плавучий мост из финикийских и греческих галер через Боспор Фракийский[13 - Боспор Фракийский – пролив Босфор – древнегреческое название пролива, соединяющего Черное море (Понт Эвксинский) с Мраморным морем (Пропонтидой).], по которому армия персов переправилась на северный берег Ахшайны.

Теперь Мандрокл и Эак получили приказание двинуться на кораблях ионийского флота вдоль западного берега моря к устью Истра[14 - Истр – река Дунай.], чтобы, поднявшись вверх по течению, построить в самом узком месте мост для перехода войск Дария на левый берег этой реки, в степи заморских саев.

Загонщики, повинаясь советам энергичного Мильтиада, поневоле оказавшегося в роли устроителя львиной охоты, быстро рассредоточились по указанным местам, и вскоре долину огласили истошные человеческие крики, свист, звуки бубнов и рев охотничьих рогов. Для схватки со львами Мегабаз, который ставил превыше всего безопасность своего повелителя, выбрал довольно удачное место – обширное пространство на берегу реки, где не было ни камыша, ни деревьев, только чахлая трава и местами низкорослый кустарник.

Река намыла здесь песочно-глинистую косу, а остальная площадь оказалась каменистым выходом горного кряжа. Судя по многочисленным звериным следам на песке, как определил опытный царский следопыт, этот берег служил водопоем для львов и других зверей поменьше размерами. Очень уж удобным было место, особенно для живности, на которую охотились львы и другие хищники, потому что подобраться к жертве тихо и незаметно никак не получалось.

Вода в реке Теар оказалась весьма необычной. Как рассказал по дороге Мильтиад царю, ее образовывали тридцать восемь ключей, бьющих из одной скалы, причем некоторые из них давали теплую, а другие – холодную воду.

Полученная от смешения этих потоков вода была чистой, прозрачной и вкусной. Она отличалась замечательными целебными свойствами. Поэтому в речной долине и водилось так много животных и птиц, которые вода защищала от разных недугов. Река так понравилась Дарию, что он тут же приказал Гобрию, чтобы воду для войска брали отсюда.

Царь, облаченный в панцирь и бронзовый шлем, уселся шагах в десяти от кромки воды на мягком дифре[15 - Дифр – низкий табурет без спинки.]. Он изображал приманку. Из оружия у него был короткий меч – акинак, наиболее удобный для схватки со львом, два копья с толстыми древками (чтобы не сломались в самый неподходящий момент) и широкий эллинский нож. От лука он отказался; ему хотелось посмотреть зверю в глаза, чтобы прочесть свою судьбу. Так говорили вавилонские маги: только царь зверей в свой предсмертный час способен открыть царю людей его будущее.

Рядом сидели оба пса Дария. Они явно чуяли зверя, потому что по их мускулистым телам то и дело пробегали волны большого напряжения. Они щерили клыки, но ни один из них не издал ни звука – так их приучили. Таким же образом вели себя и остальные псы, рассредоточенные вдоль берега вперемешку с «бессмертными». Царских телохранителей на берегу осталось немного, вместе с Мегабазом всего двести человек самых сильных и опытных воинов, обученных охоте на львов. Остальные охраняли место охоты, стояли на возвышенностях.

Шум и гам, поднятый загонщиками, приближался. Вот выскочила на берег перепуганная лиса со своим выводком, но люди даже не посмотрели в ее сторону. Затем побежала и другая дичь, начиная от зайцев и заканчивая барсуком. Мелкие звери словно чувствовали, что людям не до них, поэтому преспокойно просачивались сквозь заслон из «бессмертных» и исчезали в зарослях. Но когда на берег выбежали два крупных оленя, сердца заядлых охотников Мильтиада и Мегабаза не выдержали: звучно тренькнули тетивы и рогатые красавцы улеглись рядышком, даже не дернувшись – и эллин, и перс были великолепными стрелками, и стрела каждого попала точно в сердце животного.

Сделав этот непростительный, совсем не этикетный поступок, оба покаянно склонили головы перед царем. Но Дарий, которого снедал не меньший азарт, чем его подданных, лишь грозно нахмурил брови, но затем милостиво кивнул головой – мол, я не сержусь на вас, вы прощены. Царя можно было понять:

олени – знатная добыча. Оба стрелка облегченно вздохнули и снова заняли свои позиции.

То, что случилось несколькими мгновениями позже, всем показалось дурным сном. Сначала послышался тихий шорох (персы подумали, что опять бегут какие-то мелкие зверушки), а затем раздался приглушенный топот копыт, и на берег выметнулась группа всадников на невысоких, широкогрудых лошадках. На какое-то время все застыли в диком удивлении. И почему-то никто даже не подумал взяться за оружие. Возможно, по той причине, что всадники держали в руках только поводья своих лошадей и выглядели удивительно спокойными и дружелюбными.

Тем не менее вооружены они были знатно. Каждый имел два длинных меча, горит[16 - Горит – деревянный футляр для лука и стрел, использовавшийся в основном скифами в конце VI – начале II в. до н. э.] с луком и стрелами, у пояса нож. Не было лишь щитов, да и защитное вооружение оставляло желать лучшего: кожаная куртка, такие же штаны в обтяжку, а на голове шапка из рысьего или лисьего меха; те, у кого шапка была лисья, еще прицепили к ней и хвост рыжей плутовки.

Кто эти люди? – спросил себя сбитый с толку Дарий. И как с ними поступить? Он мигом стал суровым и неприступным. Похоже, они точно не заморские саи. Если, конечно, сравнивать их с Марсагетом. Судя по тому, как они сидели на лошадях, неизвестные воины были прекрасными наездниками. Но больше всего царя поразили длинные волосы воинов (их оказалось пятеро); они были цвета зрелой пшеницы и сплетены в косу. Правда, волосы он мог наблюдать только у одного, шапка которого была на спине, – головные уборы этой пятерки крепились к куртке с помощью тесьмы.

Первым опомнился Мегабаз – согласно своей должности.

– К оружию! – вскричал он высоким, прерывающимся голосом. – Повелитель, это вражеские лазутчики!

Дарий все еще пребывал в размышлениях, поэтому никак не отреагировал на слова своего главного телохранителя. Мегабаз принял его молчание за согласие на пленение лазутчиков и скомандовал псарям:

– Взять их! Пускайте псов!

Он знал, что боевые псы не дадут ускользнуть ни одному из этой пятерки. Собаки набрасывались на лошадь скопом и сразу же валили ее с ног. Ну а дальше все было просто...

И тут раздался волчий вой. Он был просто оглушительным. Казалось, что это воют даже не волки, а дэвы, вырвавшиеся из своих подземных темниц. Дарий машинально бросил взгляд на своих верных псов и поразился – они вдруг легли и начали мелко дрожать, словно сильно иззябли. То же случилось и с другими собаками. Растерянные псари не знали, что им делать – псы, которые не боялись никого и ничего, перестали им повиноваться.

Взбешенный Дарий вскочил на ноги. Запугать царя царей было непросто. Он уже сообразил, что вой исходит от неизвестных.

– Убить их! – взревел он тем зычным голосом, который славился и который был хорошо слышим и узнаваем на полях многочисленных битв под его руководством.

Что касается «бессмертных», то они боялись лишь царского гнева. Закаленные в боях ветераны – а именно таких взял на охоту Мегабаз, словно предчувствуя неприятные события, – бросились на наглых варваров, чтобы поднять их на копья и бросить под ноги повелителю.

Но не тут-то было. Неизвестные нимало не испугались толпы воинов, готовой их просто смять. Дарию вдруг показалось, что ситуация кажется им отнюдь не смертельно опасной, безвыходной, а забавной, потому что на лицах некоторых из них появились улыбки. Правда, они были хищными, как волчий оскал, тем не менее это было так.

Миг, когда в руках неизвестных варваров появились мечи, он не уловил. Клинки мечей были очень необычными, до сих пор царю не встречалось такое оружие. Персидский меч был коротким, широким, с обоюдоострым лезвием, и привешивался с правой стороны (ножны крепились к поясу с помощью большого кольца). А военачальники носили изогнутую мидийскую саблю, только с левой стороны. Что касается оружия неизвестных, то их мечи немного напоминали мидийские сабли-копиды[17 - Копид – изогнутый вперед меч

с односторонней заточкой по внутренней грани лезвия, предназначенный в первую очередь для рубящих ударов. Греки называли такие мечи махайрами.], только были гораздо длиннее, лезвие находилось на выгнутой стороне, а в передней части клинка имелось расширение.

Дарий смотрел – и глазам своим не верил. В центре схватки творилось что-то невероятное, невообразимое. Там бушевал стальной вихрь, и слышались предсмертные стоны и крики его телохранителей. Но вот скопище человеческих тел развалилось, и оттуда выскочила пятерка варваров – все целые и невредимые; даже их кони не пострадали.

– Луки! – несколько запоздало скомандовал Мегабаз и бросился к царю, чтобы защитить его своим телом.

Но неизвестные воители и не думали нападать на Дария. Пока лучники суетливо доставали стрелы из колчанов, они пустили своих быстроногих лошадок в галоп и мигом скрылись в камышах. Лишь один из них, перед тем как исчезнуть в плавнях, обернувшись, крикнул на языке персов:

– Мы еще встретимся, царь! – И звонко расхохотался.

Наверное, разъяренный Дарий немедленно отдал бы приказ догнать этих пятерых наглецов и теперь даже не убить, а любой ценой взять их живыми, чтобы подвергнуть самым жестоким и изощренным пыткам, на которые только способны были его мастера заплечных дел, но тут из зарослей выскочил лев и две львицы, и на берегу завертелась другая схватка, не менее жестокая, чем недавняя, но уже между зверем и человеком.

Льва никто не имел права убить, кроме царя. Поэтому, разорвав по пути двух «бессмертных», которые даже не пытались с ним сразиться, расшвырявший до безумия царь зверей бросился на Дария, будто понимал, кто здесь его главный враг. Царь недрогнувшей рукой принял его на копье, а затем схватился за прямой меч, потому что копис в схватке со львом был бесполезен – нужен был точный колющий удар в сердце зверя.

Тем временем и царские псы не дремали. Они словно пробудились от гипнотического сна. Как два исчадия ада они набросились на льва и вцепились клыками в его задние лапы, что несколько охладило пыл зверя

и дало возможность царю выиграть драгоценные мгновения для подготовки решающего удара.

И он был нанесен – точно и беспощадно, вспоров грудь и сердце льва. Последний удар лапой пришелся по пластинам панциря, приклепанным к толстому кожаному кафтану, и показался Дарию не сильнее удара кошачьей лапой. На какое-то мгновение два царя – царь зверей и царь половины человеческого мира – застыли, глядя друг другу в глаза. Лев стоял на задних лапах и был несколько выше Дария, а уж по мощи их и сравнивать нельзя было, тем не менее во взгляде льва перс заметил угасающую ярость, на смену которой постепенно приходили усталость и покорность неотвратимой судьбе.

Одну из львиц принял на себя Мильтиад, который, похоже, выместил на ней всю горечь унижения, которое он испытал, став вассалом царя персов. Он вогнал в ее тело два копья, а затем добил мечом и кинжалом. Весь в крови зверя, он яростно зарычал – не хуже, чем до этого львица, – и в экстатическом порыве вскинул руки к вечернему небу. В этот момент афинян поклялся, что придет время, и он поквитается с надменными персами за все обиды, которые они причинили и ему, и его подданным, и всем эллинам.

Вторая львица, совсем юная, попала на копье сотника-сатапатиша по имени Спарамиз, который командовал телохранителями Дария. Он пригвоздил молодую самку к земле как бабочку. Старый воин не очень стремился принять участие в свалке с пятеркой варваров; наверное, он один из немногих сразу понял, что эти воины страшнее гремучей змеи в постели. И когда все закончилось, хазарапатиш мысленно поблагодарил всеблагого Ахурамазду[18 - Ахурамазда (Хормазд, Ормузд) – авестийское имя божества, провозглашенного пророком Заратуштрой, основателем зороастризма, единым Богом.], что еще один день закончился для него удачно и что этот поход не станет последним для его фраваша – ангела-хранителя.

Ветеран знал, что если он вернется домой, то его будет ждать большой – царский – земельный надел хорошей жирной земли, пусть и в приграничных землях государства, там он построит дом на накопленные за годы службы средства и приведет в него молодую жену (а может, и две-три жены), которая нарожает ему кучу детишек.

Царь даже не глядел на льва, лежавшего у его ног. Горящий взгляд царя царей беспощадно впился в лицо Мильтиада. Афинянин побледнел.

– Кто... кто эти варвары? – тихим, а потому очень страшным голосом спросил Дарий.

Он уже сосчитал в беспорядке разбросанные по берегу тела «бессмертных». Если львы убили всего лишь двух человек и покалечили четверых, то пятерка неизвестных изрубила двенадцать человек, и только трое из них могли надеяться на выздоровление. Как они смогли это сделать?! Царь совершенно не сомневался в воинской выучке своих «бессмертных». Он не раз сражался с ними бок обок, и знал, что воинов, равных им, мало найдется в других краях. Разве что среди эллинов. А тут какие-то никчемные грязные варвары избili их как новобранцев. И ушли без единой царапины!

– Кто, я спрашиваю?!

– Повелитель... – Мильтиад покаянно опустил голову. – Это люди из племени джанийя. Они неуловимы. Они ходят, где хотят, и делают, что хотят. Я несколько раз пытался взять в плен хотя бы одного из них, но мне так и не удалось. Потеряв два десятка воинов, я решил оставить их в покое. И не прогадал – больше они мои владения не беспокоили.

– Где находятся поселения это мерзкого племени?! – Гнев царя начал прорываться наружу, словно раскаленная лава вулкана.

– Как раз там, куда ты ведешь свое войско.

– Я найду их... и уничтожу всех до единого, – процедил Дарий сквозь зубы. – Вместе с заморскими саями.

Мильтиад чуток помялся, не решаясь сказать то, что вертелось у него на кончике языка, но в конце концов все-таки отважился, понимая, настолько серьезно то, о чем он собирался доложить:

– Повелитель, эти люди – оборотни. Они могут превращаться в волков. Так мне рассказывал мой ловчий. А он очень смысленный и неглупый человек. И потом, даже саи не знают, где находятся земли этого племени. Джанийя с ними почти не общаются.

– Почему?

– Точно это неизвестно. Возможно, какие-то старые счета...

Дарий промолчал. Загонщики, получив приказ, расположились на отдых, «бессмертные» застыли, как изваяния, безмолвные и безгласные, и над речкой слышался лишь едва слышимый шелест камышовых листьев. На морское побережье Фракии опускался тихий весенний вечер.

Глава 1

Торжище Борисфенитов

Но отступим по времени немного назад от событий, которыми начался поход царя персов Дария на скифов. Обратим свой взор на одно из тех мест, куда он стремился.

Кто не побывал в Ольвии[19 - Ольвия – античный рабовладельческий город-государство, находившийся на правом берегу Бугского лимана.], тот не видел мир. Так говорили и дикие варвары-кочевники, и более просвещенные оседлые скифы, и даже надменные эллины, которые отваживались путешествовать в эти богами забытые места на самом краю Ойкумены[20 - Ойкумена (др. греч. «населяю, обитаю») – освоенная человечеством часть мира.]. Ольвию, или Борисфен, как называли этот город его жители, основали переселенцы из Милета и других ионийских городов в начале шестого века до нашей эры. В описываемые времена в Ольвии, название которой на древнегреческом языке означало «счастливая», насчитывалось около двадцати тысяч жителей (большинство из них были эллинами), не считая приезжих.

В хорах (сельскохозяйственных округах) ольвиополиты – граждане Ольвии – выращивали пшеницу, ячмень, просо, бахчевые, овощные и садовые культуры, виноград; разводили крупный и мелкий рогатый скот, птицу; занимались промыслами – рыболовством, и в небольшой мере охотой. В самой Ольвии процветали ремесла: металлообрабатывающее, гончарное, косторезное, деревообрабатывающее, прядильно-ткацкое и другие. Продукция

ремесленников сбывалась населению города, его хорам и соседним племенам. Взамен от племен поступали хлеб, мед, воск, скот, шерсть, рыба. Все это в значительной степени вывозилось в метрополию в обмен на вино, оливковое масло, высококачественную посуду, ткани, украшения и произведения искусства.

Средоточием деловой и торговой жизни Ольвии был главный городской рынок. Как и в любом древнегреческом городе-государстве – полисе, он располагался на агоре[21 - Агора – рыночная площадь в древнегреческих полисах (т. е., городах-государствах), являвшаяся местом общегражданских собраний. На площади, обычно располагавшейся в центре города, находились главный городской рынок и нередко правительственные учреждения.]. С двух сторон агору окружали здания с разнообразными лавками, имевшими торговые помещения и подвалы для складирования товаров. В одних лавках торговали столовой привозной посудой, в других – местными сероглиняными, красноглиняными и лепными сосудами, в третьих продавали мясо, в четвертых – вино или масло.

Агораномы – служащие магистратов, следивших за порядком на рынках, – собирали налоги с торговцев и купцов, которые либо имели постоянные лавки в торговых рядах, либо раскидывали на агоре временные палатки и прилавки, либо ходили по рынку, торгуя вразнос. Звоном в колокол агораном оповещал об открытии и прекращении торговли на рынке, а также о поступлении в продажу партии только что привезенной свежей рыбы.

Второй рынок Ольвии – рыбный – располагался в Нижнем городе, в непосредственной близости от реки. Сюда на лодках и кораблях доставляли свежую речную и морскую рыбу и моллюсков. На этом рынке продавали также сухую, копченую, вяленую, соленую рыбу и рыбные соусы.

Кроме рынка на агоре и рыбного был еще третий – оптовый. Он назывался дейгма – «образец». На нем выставляли образцы товаров, продававшихся большими количествами, в первую очередь зерно, вино и оливковое масло.

Но что такое рынок на агоре по сравнению с Торжищем Борисфенитов! Иноземцы часто называли так саму Ольвию, но это было далеко от истины. Разве могла небольшая по размерам агора вместить все те товары, которые предлагали окрестным племенам заморские купцы и колонисты и которые привозили на продажу скифы, гелоны, будины, меоты, алазоны и другие

племена и народности, населяющие Северное Причерноморье?

Торжище Борисфенитов (собственно говоря, тоже дейгма; здесь торговали в основном оптом), начинавшееся осенью, после сбора урожая, располагалось невдалеке от Ольвии, на обширном пространстве, которое раскинулось на берегу лимана. Бесчисленные будки, палатки, лотки рассыпались по большой площади как горох. Для каждого вида торговли агораномы отвели определенный участок. Все съестное было сосредоточено в одном месте. Особенно поражало изобилие рыб. Все они были живыми, даже огромные, дорогие белуги-антакеи, и находились в больших деревянных кадках и долбленых из толстых древесных стволов корытах, наполненных морскими водорослями и водой. Здесь же продавали и местную соль, добытую в устье Борисфена[22 - Борисфен - река Днепр.].

Далее простирались владения зерновых культур. Торговали разным зерном, пшеничной и ячменной мукой различного помола, имелась даже небольшая мельница, которую вращал унылый старый одр - для того, чтобы завлечь покупателей видом непрерывно льющегося белого мучного ручейка, олицетворяющего собой саму жизнь. Под пологими палаток сидели купцы. Тут решались самые разные деловые вопросы, заключались торговые сделки, купцы формировали караваны, которые уходили не только в края цивилизованные, но и в такие дали, что страшно было даже думать, наконец, к ним нередко присоединялись крупные землевладельцы, чтобы поговорить о своих проблемах и бедах. А их хватало - зимы в Скифии нередко были суровыми, и урожай зерновых погибал на корню.

За палатками благоухали свежеспеченные лепешки и хлебцы, разложенные на столах, - длинных досках, положенных на камни. Многие варвары и жители неурожайных земель вообще впервые видели пшеничный хлеб - с темной хрустящей коркой и великолепным белым мякишем. Они долго выбирали хлебцы и булочки, не решаясь отдать предпочтение какой-либо форме из большого разнообразия: одни булочки были испечены в виде морские звезды, другие хлебцы походили на полумесяцы, а третьи представляли собой фигурки различных зверей. Но больше всего было лошадок-медовиков.

В овощных лавках румянились горы яблок, отсвечивали чистым золотом спелые груши, а сладковатый запах заморских фиников и вовсе кружил головы тем, кто их никогда не видел и не пробовал. Здесь же продавались орехи, и покупатели настоятельно просили дать им в придачу несколько ореховых

листьев, чтобы положить в постель; многие знали, что ореховый запах отпугивает насекомых. Чуть поодаль лежали связки лука и чеснока, без которых ни один уважающий себя эллин (не говоря уже про скифов) не начинал обеденную трапезу.

Если в метрополии, где климат был гораздо мягче, нежели в Скифии, острая приправа к еде в виде чеснока и лука не являлась обязательной, здесь это было законом. Тот, кто много употреблял в пищу лук и чеснок, очень редко простужался.

Но средоточием всех соблазнов конечно же были небольшие закусовые, издали зазывающие к себе проголодавшихся торговцев и покупателей запахом подогретого оливкового масла. Под полотняными навесами виднелись врытые в землю печи с несколькими топками, над которыми на железных треногах стояли котлы и кастрюли. Любопытный, пускающий слюни, мог понаблюдать за тем, как освеженная рыба попадает на сковородку, как ее заливают маслом, вином, заправляют пряностями и, наконец, после того, как она изрядно подрумянится, водрузив на тарелку, присыпают крохотной щепоткой сильфия[23 - Сильфий – растение из семейства зонтичных, похожее на укроп; широко использовался в Древней Греции и Древнем Риме как приправа и как лекарственное средство. Представлял для греков и римлян большую ценность. Он считался даром Аполлона и продавался на вес монет – серебряных денариев.], который придает ей пикантный привкус.

Если стоя, руками, держа под мышкой хлеб, то и дело отламывая от него кусок за куском. После сытной еды трудно отказать себе в чаше вина. Вино продается рядом, в беседках, сооруженных при помощи столбов, с крышей из веток и листьев. Возле каждой беседки – глубокая яма в земле, где охлаждается вино в глиняных кувшинах. Из трех сортов вин – темно-красного цвета, как кровь из вены; белого и светлого словно солома; и желтого, с золотистым отливом, – ольвиополиты предпочитали последнее; оно лучше всего способствовало пищеварению. В нем была соблюдена необходимая мера, ибо темное слишком тяжелое для полного желудка, а белое чересчур слабое, чтобы взбодрить дух и добавить силы для дальнейших дел и забот на Торжище.

Тесный ряд ларьков и палаток вмещал в себя всевозможные товары, за исключением оружия. Его на Торжище не нашлось бы не только у богатых купцов, известных в Ольвии своей благонадежностью, но и вообще ни у кого другого. Представители разных племен из далеких краев, чей путь пролегал

по диким безлюдным местам, где не приходилось полагаться на закон о «священном мире», конечно же брали с собой оружие, но оставляли его за пределами Торжища Борисфенитов. Там, на специальных складах, хранились их мечи, луки и копья до того момента, когда они отправятся в обратную дорогу.

Так было не всегда, но после нескольких кровавых побоищ, устроенных варварами, которые упились вином до помутнения разума, городской магистрат раз и навсегда запретил появляться на Торжище вооруженным людям. Максимум, что мог иметь и купец и покупатель, так это нож, без которого невозможна трапеза. Такие же порядки существовали и в самой Ольвии – оружие могла носить только городская стража.

В разных частях Торжища сидели менялы. Палатки у них были крепче и красивее, чем у многих купцов, к тому же возле каждой прохаживались по два-три крепких раба-варвара, готовых без лишних слов свернуть шею любому, кто обидит хозяина. Непрестанно движущиеся руки менял, казалось, пряли невидимые нити металлической пряжи, отвечавшей им неумолчным мелодичным звоном. Этот звон поднимался вверх к изрядно поблекшему осеннему небу, и поющей, хитро сотканной золотой кисеей накрывал все Торжище Борисфенитов.

Перед менялами высились горки монет, уложенные согласно размерам и достоинству. Из-за монет, не имевших точного веса, часто вспыхивали ссоры, доходившие едва не до драки (вот тут-то и появлялись рабы-телохранители); монеты пробовали на зуб, бросали на чашку весов или определяли металл на пробирном лидийском камне, который считался самым лучшим для таких целей.

Испытуемым изделием (или монетой) проводили черту на пробирном камне, а рядом другую черту – эталоном. Если на камне обе черты оказывались одинаковыми, то состав металла испытуемого предмета соответствовал эталонному. Если же черты имели разные оттенки, то подбирался иной эталон, с помощью которого и определялось количество благородного металла в монете или в других изделиях – украшениях, сосудах и прочее.

Женщин на Торжище было очень мало. Продавцами и покупателями на греческих рынках были в подавляющем большинстве мужчины. Женщинам вообще считалось неприличным появляться в городской толпе, но это правило неукоснительно соблюдали лишь состоятельные граждане. В бедных семьях,

где умерли взрослые мужчины, женщинам приходилось самим ходить на рынок и покупать там все необходимое или зарабатывали торговлей, продавая чаще всего пряжу собственного изготовления и сплетенные венки и гирлянды из цветов, трав и ветвей.

И уж совсем не наблюдалось их там, где продавали лошадей и скот – быков, телят, овец. Это была территория варваров, которая находилась за пределами Торжища Борисфенитов, на широком, изрядно вытоптанном лошадиными копытами лугу. Его сплошь покрывали изгороди из жердей, потому что лошади, которые пригоняли табунщики-скифы (чаще всего) и меоты были дикими, необъезженными, и в любой момент могли разбежаться. Да и бодливые быки могли наделать много бед, испуганные неумолчным шумом и гамом Торжища.

Лошади скифов были невелики, неприхотливы и очень выносливы. За эти качества их и ценили ольвиополиты. Впрочем, скифы разводили не только малорослых лошадей, но и более крупных, быстроаллюрных, не уступавших по своим качествам боевым коням Эллады. Но они были гораздо дороже и на Торжище пригонялись редко. Эти кони предназначались в основном для скифских вождей и старшин.

Но конечно же наибольший интерес представляли самые ценные лошади нисейской породы – мидийские скакуны. Их привозили на Торжище Борисфенитов в таких малых количествах, что иногда за право купить их сражались самые именитые граждане Ольвии. Сражались в прямом смысле: хватали друг друга за грудки и бороды и даже пускали в ход кулаки.

На это осеннее Торжище, к удивлению и радости местных ценителей резвых скакунов, привезли лошадей элитных пород гораздо больше, чем ранее. Поэтому цены на них не взлетели до небес, покупатели не рвали поводья друг у друга из рук, и можно было спокойно поторговаться и обсудить достоинства и недостатки изящных холеных красавцев. Чем и занимались в этот момент два ольвиополита – судья-фесмофет Мегасфен и полемарх Гелиодор, военачальник ольвийского гарнизона. И тот и другой считали себя большими знатоками лошадей, поэтому их спор был особенно жарким.

– Нет, что ни говори, – горячился Мегасфен, – а парфянские лошади менее крупные, красивые и горячие, чем мидийцы. Правда, они с удивительно хорошими ногами. Нисейская порода все-таки больших размеров. А какая статья!

– Да, это так, – не особо возражал Гелиодор. – Но мидийцы более тяжелы и неповоротливы. Я считаю, что самые лучшие – это фессалийские жеребцы. Что касается эпирских, то они тоже очень хороши, но часто с крутым нравом. А уж фракийские лошади вообще состоят из всех возможных недостатков.

– Ну, в этом отношении я бы не стал с тобой сильно спорить, – нехотя согласился Мегасфен, в нем вдруг взыграли патриотические чувства. – Но ведь есть еще ахейская, эпейская, критская, ионийская, аркадская и аргивская породы, которые имеют множество достоинств разного рода. И вообще они просто красавцы, на которых любо-дорого посмотреть.

Гелиодор скептически хмыкнул и ответил:

– Красивая голова коня и его гордая осанка еще ни о чем не говорят. У перечисленных тобой лошадей плохие крупы и они недостаточно выносливы. Это потомки пород, испорченных веками разведения лошадей для смотров и состязаний. В военном деле они не представляют собой большой ценности. Лично я предпочту низкорослого и неказистого скифского конька, чем возьму под седло какого-нибудь красавца фессалийца. По крайней мере буду точно знать, что скиф унесет меня от любой погони и будет без усталости скакать целый день.

– И это говорит полемарх! – Мегасфен ехидно хихикнул. – Конечно, резвый скакун очень необходим... чтобы драпать от врага. То-то наши гоплиты боятся высунуть носа за пределы ольвийской хоры. У них, похоже, в голове только одна мысль – как бы унести ноги, когда появятся вооруженные варвары.

– Ты хочешь меня оскорбить? – с деланным спокойствием спросил полемарх.

Мегасфен понял, что немного перегнул палку, и поторопился ответить:

– Нет-нет, что ты! Клянусь Аполлоном Дельфинием, и в голове не было ничего подобного. Просто в городе судачат, что наши воины совсем обленились. Даже наемная городская стража из варваров, скифские гиппотоксоты, и те больше бражничают, чем занимаются делом.

Гиппотоксоты – конные стрелки – исполняли в Ольвии функции стражей порядка. Греки презирали эту профессию, считали ее недостойной гражданина,

поэтому стражами были в основном рабы или вольнонаемные варвары. Эллинам вообще было чихать на юриспруденцию. Несмотря на демократию, они не создали ни общей конституции, ни общего свода законоположений; каждый полис имел свои собственные законы. Писанные правила дополнялись неписаными, судьи выносили решения «не по праву, а по уму», согласно внутреннему ощущению справедливости. Это ощущение базировалось на том, что раз богам угодно, чтобы в мире существовали бедные и богатые, хозяева и рабы, мужчины и женщины, то и нечего всех мерить на один аршин – всеобщее равенство перед законом есть иллюзия вредная и утопическая.

Неважным было и отношение к частникам. Работа по найму считалась унижительной – граждане охотно трудились на городских работах или в собственной мастерской, но к богатому частнику не хотели идти даже на должность управляющего. Также они считали зазорным брать в аренду у частника землю, тогда как у полиса на тех же условиях – без проблем.

– Тут ты прав, – проворчал Гелиодор. – Дисциплина у гиппотоксотов никудышная. Ужо займусь я ими...

Он хотел еще что-то сказать, но тут внимание приятелей привлекло зрелище, которое никак не могло оставить равнодушным истинных ценителей лошадей. В одном из загонв занимались объездкой только что приобретенного мидийского жеребца. Это был настоящий красавец – рыжий, как огонь, с белой звездочкой на лбу, белых чулках и с длинной темной гривой. Жеребец был не столько напуган, сколько рассержен. Он кидался на любого, кто пытался к нему приблизиться.

Скиф, которому поручили заниматься объездкой, конечно, мог применить некие «успокоительные» средства в виде веревочных растяжек на ноги, чтобы конь даже не мог двинуться и привыкал к тяжести всадника и жестких, рвущих губы удил, но он понимал, что хозяину столь ценного приобретения это не понравится. Одно дело выносливая скифская лошадка, которой все нипочем, а другое – благородное животное с более хрупкими костями. Скиф знал, что если он покалечит жеребца, ему не сносить головы. Вот он и маялся, пытаясь прикормить животное сладкими коврижками и каким-то образом войти к нему в доверие, но конь лишь свирепо скалил зубы, дико ржал и кидался на загородку, пытаясь разрушить ее ударами копыт.

Новый хозяин мидийца разозлился не на шутку.

– Я покупал у тебя верховую лошадь, – заметь, заплатив полновесными кизикинами – а ты продал мне дикаря! – налетел он на купца. – И что мне прикажешь теперь с ним делать?! Если уж этот варвар не в состоянии его оседлать, то что тогда говорить про моего конюха, тупую, грязную скотину.

– Уважаемый Алким, нужно немного потерпеть, – убеждал его купец. – Конь постепенно привыкнет к окружающей обстановке, только вам нужно побольше с ним общаться, а потом, в один прекрасный день, он преспокойно позволит себя оседлать и вы сможете в полной мере насладиться его превосходными скоростными качествами. А уж настолько он красив, даже дух захватывает. Уверен, такого красавца трудно сыскать даже в Аттике, не говоря уже про Ольвию.

– Что ты мне тут плетешь?! – взвился Алким. – У нас был уговор, что я получу объезженного коня? Был! Так о чем тогда речь? А ты привез мне kota в мешке.

– М-да... – Купец тяжело вздохнул. – Что ж, многоуважаемый Алким, придется нашу сделку расторгнуть. Я верну твои деньги, а на жеребца вскоре выстроится очередь желающих его приобрести.

– Ну уж нет! Конь мой! Но уговор есть уговор! Иначе я поведу тебя в суд, и ты не только вернешь уплаченные мною деньги за коня, но еще и штраф в двойном размере – за то, что нарушил свои обязательства.

Купец в возмущении всплеснул руками, и они снова вознамерились вступить в жаркий спор, но тут откуда-то со стороны появился плохо одетый мальчик и вмешался в их разговор:

– Всего один кизикийский статер, мой господин, и я объезжу твоего коня, – сказал он, обращаясь к Алкиму.

– Кизикин?! – взвился купец. – Ты хочешь за объездку кизикин?! За эти деньги я найму сотню варваров для такой услуги! Поди прочь, нахал!

– Ну, как знаешь. Нанимай... – Парень беспечно улыбнулся и уже хотел уходить, но тут за его ветхий шерстяной хитон[24 - Хитон – мужская и женская (нижняя) одежда у древних греков; подобие рубашки (льняной или шерстяной), чаще

без рукавов.] уцепился купец.

– Ты и вправду сможешь объездить этого жеребца? – спросил он недоверчиво.

– Увидишь сам, если позволишь.

– Алким! – обратился купец к покупателю. – Я предлагаю разделить расходы на объездку пополам. Это будет справедливо. Я ведь не виноват, что в Ольвии нет ни одного толкового наездника. Так я и скажу на суде, если до этого дойдет.

Какое-то время Алким обдумывал предложение купца, глядя на него как бодливый бык – исподлобья, а затем решительно махнул рукой и молвил:

– А, где наше не пропадало! По рукам!

– Что ж, давай, прояви свое искусство, – с надеждой сказал купец, обращаясь к парню.

Разбитной малый коротко улыбнулся и подошел к бедному скифу; тот по-прежнему маялся возле изгороди, внутри которой бесновался мидийский жеребец. Он наклонился к его уху и что-то тихо шепнул. Скиф отскочил от него, словно ему ткнули в бок острием меча. В его глазах появился даже не страх, а ужас. Но никто этого не заметил; в данный момент для граждан Ольвии он был пустым местом. Внимание людей возле загородки – а их уже собралось немало, в том числе и достославный фесмофет Мегасфен вместе с полемархом Гелиодором – было направлено на нового наездника.

Начал он как-то странно: сначала обошел вокруг изгороди, что-то пришептывая на ходу, затем сел и некоторое время оставался в положении бесчувственной и совершенно неподвижной статуи. Пока он проделывал все эти манипуляции, конь в загородке вдруг успокоился и начал следить за ним все еще бешеным взглядом. Но внутри его больших выпуклых глаз цвета черного агата начала разгораться оранжевая искорка – словно отражение далекого костра.

Но вот парень поднялся и совершенно безбоязненно перелез через ограду. И едва он очутился в загоне, как на Торжище послышался волчий вой. Казалось, что в Ольвию вдруг пришли зимние холода, когда волки бродили по ольвийской

хоре и возле самого города большими стаями, и теперь они затеяли свой «концерт». Зрители, собравшиеся посмотреть объездку, даже отхлынули от загородки, потому как им показалось, что возле мидийца вдруг появился огромный волк. Но это наваждение так же быстро исчезло, как и возникло, и в загородке остались лишь странный юноша и жеребец, который вдруг утратил всю свою ярость и стал покорным словно ягненок.

Посмеиваясь и тихонько поглаживая жеребца по крутым бокам и по крутой шее, он сначала дал ему белый корешок какого-то растения, который конь тут же жадно сжевал, а затем набросил ему на спину потник, взнуздал и стремительным прыжком взлетел на круп. Мидиец от неожиданности вздрогнул и, вспомнив прежнюю прыть, встал на дыбы, но, укрощенный железной рукой парня, сначала припустил в галоп, а потом пошел ровной рысью, благо места для бега хватало – загон для объездки был не широким, но длинным.

Спустя какое-то время парень подъехал к изумленному до неприличия Алкиму – у того даже челюсть отвисла – и, вручая ему повод, сказал:

– Дай ему, господин, что-нибудь сладкое; лучше хлебец с медом. А после угощения немного ключевой воды с несколькими каплями хорошего вина. И тогда вернее друга у тебя не будет.

– Да-да, конечно, конечно...

Купец, продавший жеребца, быстро распорядился, и вскоре посыльный принес целую тарелку сладких коврижек, которую Алким и поднес коню, как царственной персоне, – церемонно и тожественно. А спустя какое-то время притащили и гидрию[25 - Гидрия – древнегреческий керамический кувшин для воды. У гидрии три ручки: две маленькие горизонтальные по бокам сосуда для того, чтобы поднимать его, и одна вертикальная посередине для удобства разливания воды. Гидрии носили на голове или на плече.] воды из священного ключа, который выходил на поверхность неподалеку от Торжища. В Ольвии вода была не очень хорошая – солоноватая. В Нижнем городе существовали выходы пресных вод, которые использовались жителями и оформлялись каптажами и колодцами. В Верхнем городе вода хранилась в специальных водоемах и цистернах. Но ее качество оставляло желать лучшего. И только в этом ключе она напоминала по вкусу воду горной Эллады.

Купец расплатился с парнем чин по чину, так как Алким был занят конем. Но едва тот, беззаботно посвистывая, собрался уходить, Алким окликнул его:

– Пстой! Поди сюда.

Парень подошел. Только теперь Алким наконец рассмотрел его, как следует. Он был чуть выше среднего роста, гибкий, как лоза, с очень тонкой талией. Сразу могло показаться, что силенок у него маловато, но хитон был без рукавов, и купец увидел узловатые рельефные мускулы, оплетающие предплечье юноши. Глаза у него отсвечивали весенней зеленью, а длинные светло-русые волосы были схвачены на затылке бронзовым обручем.

– Ты кто? – спросил Алким.

Он хотел спросить, не раб ли он, да постеснялся сказать это напрямую.

– Никто, твоя милость, – беззаботно ответил юноша. – Перекати-поле. Но я вольный человек.

– Миксэллин?..[26 - Миксэллин – ребенок от межэтнических браков между скифами и греками; обычно миксэллины относили себя к греческой цивилизации.] – догадался ольвиополит.

– Что-то вроде этого. Я сирота.

– Понятно... Ко мне в услужение пойдешь? Нужен опытный конюх и наездник, а ты, я вижу, очень ловко управляешься с лошадьми.

– Не без того, – согласился парень. – Лошадей я люблю.

– Ну, так что, договорились? За оплату не беспокойся, не обижу. И угол, и еда у тебя будут.

– Насчет жилья, господин, пусть голова у тебя не болит. У меня есть, где жить.

– Вот и хорошо, вот и ладно, – обрадовался ольвиополит. – Завтра с утра подойдешь к главному агораному Ольвии, скажешь ему, что Алким, сын Ификла,

нанимает тебя на службу. Пусть все оформит, как положено.

– До завтра, хозяин! – весело воскликнул юноша, и вполне довольный собой отправился восвояси.

Наблюдавший эту картину полемарх Гелиодор задумчиво сказал, обращаясь к Мегасфену:

– Вот кого бы я взял начальником конной городской стражи... Мало того, что этот молодой человек миксэллин, так он еще и наездник каких поискать. Думаю, он и скифам не уступит в искусстве владения конем. Единственное, что меня смущает: умело ли он управляется с оружием?

– Да, приятный во всех отношениях юноша, – согласился Мегасфен. – Интересно, как так случилось, что я до сих пор его нигде не встречал?

Это было и впрямь загадочно – в Ольвии многие знали друг друга в лицо, даже рабов и вольнонаемных работников. Любой приезжий сразу же становился объектом пристального внимания. В особенности те, кто попадали в город через порт. Прибытие любого корабля становилось важным событием. В порт сходилось множество жителей Ольвии. Одни встречали друзей и деловых партнеров, другие стремились заработать на погрузке и разгрузке товаров, третьи просто узнавали новости. В период навигации, которая длилась с апреля по октябрь, на берегу Гипаниса[27 - Гипанис – река Буг.] собиралось немало народу послушать, что происходит в Афинах, Милете и других греческих полисах. Из Верхнего города открывался дальний обзор, поэтому ольвиополиты заранее знали, какие корабли движутся в их порт и когда придут.

Но парень совсем не выглядел чужаком, скорее, наоборот; казалось, он всю свою сознательную жизнь прожил в Ольвии. Миксэллины считались неполноценными гражданами и часто стыдились своего положения, однако этот удалой малый, судя по всему, не очень переживал по поводу своей ущербности.

Между тем Торжище продолжало бурлить как котел с похлебкой. Оно и пахнуть стало точно так же – солнце перевалило за полуденную черту и наступило время обеда. Теперь харчевники трудились и вовсе не покладая рук, поистине в поте лица своего. Дымились не только их очаги, но и костры за пределами Торжища Борисфентов. Это уже варвары, пригнавшие скот и лошадей на продажу,

поставили свои котлы, чтобы отдать дань доброму куску вареной конины или баранины и запить еду вином.

Ведь простые табунщики обходились в основном хмельной оксюгалой[28 - Оксюгала – хмельное питье из перебродившего кобыльего молока.] или просто сывороткой, а вина предназначались уважаемым воинам, вождям, жрецам и старейшинам, у которых было чем заплатить. В скифских степях вино было очень дорогими и дефицитным товаром. Но уж на Торжище скифская беднота наконец дорвалась до вина. Правда, пили скифы местное, терпкое и кислое, изготовленное ольвиополитами, но было оно в несколько раз дешевле того, что попадало в степи, и хмелели от него они не меньше, чем от привозного заморского.

Наездник, нанятый Алкимом на должность конюха, тоже полдничал. Он лежал на пригорке в высокой, уже успевшей пожелтеть траве, и, глядя с прищуром в небесную глубину, задумчиво жевал сладкий хлебец, который он ухитрился стянуть из подношения объезженному жеребцу. На его лице блуждала печальная улыбка, а в глазах притаилась тоска.

Глава 2

Оракул Зервана

За год до похода на Скифию. Начало месяца Тиштрия[29 - Тиштрия – четвертый месяц зороастрийского календаря (22 июня–22 июля).], названного по имени Небесного Всадника, отгоняющего от Земли тьму, засуху и смерть, дарующего полям живительную влагу...

И снова вместе с духотой пришел сон, который мучил Дария уже много месяцев подряд. События прошлого властно вторгались в ночной покой царя царей, и он беспокойно ворочался на своем просторном ложе, что-то бессвязно выкрикивая и взмахивая правой рукой, словно в этот момент разил кого-то мечом.

Именно такое видение и приснились Дарию в очередной раз...

Раннее утро десятого числа месяца Багаяди[30 - Десятый день месяца Багаяди - 29 сентября.]. Заговорщики, среди которых был Дарий и еще шестеро сановников высокого ранга, в том числе Мегабаз с Гобрием, подошли к воротам царского дворца в Сузах. Стражники, напуганные столь представительной процессией, расступились без лишних слов, и дали всем пройти во внутренние апартаменты, где их встретили евнухи, охранявшие двери одного из помещений. Эти оказались несговорчивыми и приказали немедленно покинуть дворец.

- Бей! - скомандовал опытный и решительный Мегабаз, немало повоевавший под началом царя Кира, и мечи заговорщиков обагрились кровью евнухов.

Услышав предсмертные крики своих стражей у двери, маги схватились за оружие. Лжецарь Бардия, именем которого прикрывался самозванец, маг Гаумата, взял лук, а его брат Патицит - копье. Заговорщики ворвались в комнату. Лук оказался бесполезным в ближнем бою, и Гаумата, бросив его, обратился в бегство. Более храбрый и стойкий Патицит некоторое время защищался при помощи копья и даже ранил двух нападавших. Они упали, обагряв кровью дорогие персидские ковры, белоснежные, как снег на вершинах гор. Оставив трех других заговорщиков сражаться с магом, Дарий и Гобрий бросились преследовать бежавшего Гаумату.

Тот в ужасе метался из одной комнаты в другую, пока не оказался в темном помещении, где за грудой всякой рухляди намеревался укрыться от расправы. Но Гобрий оказался весьма сметливым и проворным. Он нашел это помещение и попытался вытащить Гаумату на свет ясный. Но не тут-то было. У мага, совсем потерявшего разум от страха, прибавилось сил, и они сцепились как два мартовских кота. Тогда Гобрий, чувствуя, что сам не в состоянии справиться с обезумевшим магом, позвал на помощь Дария. Но помочь ему было совсем непросто, потому как в клубке тел, который ворочался на полу, нельзя было различить, где друг, а где враг.

- Пронзи его! - вскричал в отчаянии Гобрий, потому что Гаумата уже начал его одолевать. - Почему медлишь?!

- Не могу! - отвечал Дарий. - Боюсь тебя ранить!

- Это не важно! - кричал Гобрий, продолжая бороться со своей расsvирепевшей жертвой. - Бей, даже если мы оба погибнем!

Совсем потерявший голову Дарий все-таки отважился и пустил в ход меч. Им здорово повезло – клинок сам нашел сердце негодяя...

В этот момент царь закричал... и проснулся. Он поднялся и подошел к окну, все еще во власти видений прошлого, и посмотрел на небо. Полная, а оттого огромная, луна смотрела на него холодно и безразлично. Время от времени набегавшие на луну небольшие прозрачные тучки, подгоняемые ветром, создавали эффект быстрого движения небесного светила. Дарию вдруг показалось, что это сам Тиштрия – бог-предводитель всех созвездий ночного неба, мчится сквозь мрак на своем могучем белом коне. Какую судьбу ему, царю царей, уготовил этот могущественный бог, лук которого – орудие судьбы?

Чувствуя, что уже не заснет, Дарий налил себе чашу охлажденного вина из золотого кувшина, который стоял в серебряной кадке со льдом, привезенным с гор, сел возле окна и задумался. Воспоминания нахлынули на него, как назойливые мухи в летний день...

У Кира Великого, основателя державы Ахеменидов, было два сына – Камбиз от царицы Кассанданы и Бардия. Царь оставил их в Персии, когда отправился походом за Аракс. Дарию, сыну Гистаспа одного из знатных царедворцев Кира, сатрапа Парфии и Гиркании, было тогда девятнадцать лет, и он даже не помышлял о том, что когда-нибудь может стать царем. Гистасп занимал командную должность в царской армии. Он сопровождал Кира в походе и находился вместе с царем в армейском лагере.

Вскоре Кир погиб в бою, и Камбиз взял правление империей в свои руки. Он затеял несколько безрассудных походов, из-за чего и страна, и армия пришли в упадок. Кроме того, он женился на своих сестрах, Атоссе и Аристоне. Камбиз брал в походы и брата Бардию. Тот был младше Камбиза, но превосходил его в физической силе и других достоинствах.

Камбиз относился к брату весьма ревниво. Он не осмелился оставить его править в Персии на время своего отсутствия, опасаясь, что Бардия воспользуется властью для захвата трона. Камбиз решил временное управление государством оставить двум магам, Гаумате и Патициту. Маги занимали в правящей иерархии высокое положение, но не имели наследственных прав на престол. Как полагал Камбиз, это уменьшит опасность узурпации ими власти.

Однажды ночью царю приснилось, что он видит брата сидящим на троне и разросшимся в размерах до такой степени, что его голова касалась неба. На следующий день Камбиз, посчитавший, что сон пророческий и Бардия собирается захватить царский трон, решил разом покончить со всеми тревогами и страхами. Он вызвал воина дворцовой стражи Прекаспа и велел ему убить Бардию, что тот и сделал – застрелил брата царя на охоте.

Между тем Камбиз становился с каждым днем все более деспотичным и жестоким. Однажды он велел по ничтожному поводу закопать живьем двенадцать своих царедворцев. Камбиз предавался своим жестокостям, потому что верил в определенные чары. В Мидии он советовался с оракулом относительно перспектив своей жизни, и тот предсказал, что царь умрет в Экбатане.

Теперь Экбатана стала одной из трех столиц империи наряду с Сузами и Вавилоном. Экбатана располагалась севернее двух других столиц и вдали от опасных регионов. Основные правительственные решения принимались в Вавилоне и Сузах, между тем Экбатана использовалась больше как резиденция царей. Она служила убежищем от опасности, местом уединения царей в случае болезни и старческой немощи. Словом, Сузы считались центром управления, Вавилон – торговым центром, а Экбатана – домашней резиденцией.

Поскольку оракул в ответ на просьбу Камбиза предсказать обстоятельства его смерти сказал, что царю суждено умереть в Экбатане, это означало, как полагал Камбиз, что его ожидает спокойная смерть в собственной постели в положенный час. Считая, что судьба устранила с его жизненного пути все опасности внезапной или насильственной смерти, он предавался порокам и капризам, помня лишь о сути предсказания, но забыв конкретный смысл слов оракула.

В дальнейшем Камбиз, покорив Египет, повернул со своей армией на север, двигаясь вдоль побережья Средиземного моря, пока не достиг Сирии. Частью Сирии была область Галилея. Пересекая Галилею во главе передового отряда армии, Камбиз прибыл в небольшой городок и расположился там лагерем. Городок был столь незначительным, что персидский царь даже не знал его названия. Однако привал в этом месте был отмечен весьма памятным событием. Царь встретил здесь глашатая, который, разъезжая по Сирии, говорил, что он послан из Суз объявить народу, что Бардия, сын Кира, взял в свои руки управление империей и отныне всем ее подданным следует подчиняться повелениям, исходящим только от нового царя!

Глашатая схватили и привели к царю. На вопрос о том, верно ли, что Бардия действительно узурпировал власть и послал его объявить об этом, тот ответил утвердительно. Он сказал, что сам его не видел, поскольку тот не выходил из своего дворца, но ему сообщил о смене власти один из магов, которых Камбиз оставил управлять империей. Именно этот маг и отправил глашатая оповестить о восшествии Бардии на престол. Вызванный на допрос Прекасп заявил, что он исполнил приказание в точности и что у него нет никаких сомнений в заговоре с целью захвата власти теми двумя магами, которых Камбиз оставил временно управлять империей.

Камбиз стал горько упрекать себя за то, что добивался смерти невинного брата, но его раскаяние вскоре сменилось страшным гневом и стремлением отомстить узурпатору. Когда он в ярости и спешке сажился в седло, чтобы немедленно отдать приказания о подготовке похода на Сузы, то случайно на землю упали ножны, обнажив меч, лезвие которого поранило бедро царя. Слуги подхватили Камбиза и отнесли его в шатер. Осмотр раны показал, что она весьма опасна, а состояние сильного возбуждения, раздражение, досада и бессильная ярость, будоражившие разум пациента, не способствовали его выздоровлению. В ужасе перед возможным смертным исходом Камбиз спросил, как называется город, в котором он находится. Ему ответили, что название города Экбатана...

Камбиз умер от заражения крови. А маги продолжили править Персией. Гаумата представлялся Бардией, но на публике не показывался, чтобы его не разоблачили. Это не было чем-то необычным. Члены царской семьи довольно часто уединялись подобным образом, предаваясь утонченным удовольствиям за стенами дворцов, в парках и садах. А правил от его имени брат, Патицит.

Было еще одно обстоятельство, сильно беспокоившее самозванца – он боялся, как бы кто-нибудь не выдал, что у него отрезаны уши. Это было сделано много лет назад по приказу Кира за преступление, совершенное Гауматой. Следы увечья можно было скрыть на людях тюрбаном, шлемом или другим головным убором, но сохранялась опасность, что отсутствие ушей кто-нибудь заметит в приватной обстановке. Поэтому лже-Бардия был крайне осторожен, старался избегать соглядатаев. Он заперся в апартаментах дворца в Сузах, располагавшегося внутри крепости, и воздерживался от приглашений к себе знатных персов.

Среди удовольствий и роскоши, которые Гаумата обнаружил в царских дворцах и воспользовался ими в полной мере, были также жены Камбиза. В те времена восточные цари и царицы имели много жен, часто занимавших положение рабынь, что особенно отчетливо проявлялось после смерти повелителя, когда они, подобно другому имуществу, переходили в собственность наследника. После того как Гаумата заступил на трон и узнал о смерти Камбиза, он обратил жен бывшего царя в свою собственность. Среди жен была и Атосса – дочь Кира, сестра Камбиза и его жена. Чтобы эти придворные дамы не разоблачили его самозванство, маг держал их в заточении. Нескольким из наиболее понравившихся ему жен он позволял посещать себя поочередно, в то же время препятствуя их общению друг с другом.

Одну из жен звали Файдима. Она была дочерью знатного и влиятельного перса по имени Отан. Подобно другим представителям знати, Отан наблюдал и размышлял над поразительными обстоятельствами, сопровождавшими восшествие Бардии на престол. Отана удивлял его уединенный образ жизни, нежелание вопреки общепринятому для царя поведению общаться со знатью и народом. Он уже начал догадываться, кто истинный правитель Персии. В конечном итоге Отан, будучи человеком энергичным, умным и осторожным, решил выяснить правду.

Сначала он послал к своей дочери Файдиме гонца, чтобы узнать, действительно ли она общается теперь с Бардией, сыном Кира. Файдима ответила отцу, что не знает, поскольку до смерти Камбиза никогда не видела нынешнего царя. Тогда Отан передал через гонца, что у нее остался один способ выяснить правду. Когда в следующий раз Файдима придет к царю на свидание, пусть она ощупает уши господина, когда тот заснет. Если ушей у него не окажется, значит, это маг Гаумата. Файдима так и сделала. Осторожно засунув руку под тюрбан царя, она обнаружила, что его уши обрезаны. Рано утром дочь сообщила об этом отцу.

Отан немедленно рассказал об этом двум своим друзьям, знатным персам, которые тоже подозревали обман. Теперь вопрос заключался в том, что делать дальше. Они решили, что каждый из них должен сообщить о своем открытии одному своему другу, на чьи решимость, благоразумие и верность можно было положиться. Так все и поступили, и число посвященных в тайну увеличилось до шести человек. Как раз в это время в Сузы прибыл Дарий. Он уже был достаточно знатен и известен. Его отец занимал пост губернатора одной из провинций Персии, и Дарий находился при нем. Как только шестеро

заговорщиков узнали о прибытии сына губернатора, они ввели его в свой круг, и число участников заговора увеличилось до семи...

Тут Дарий рассмеялся. То, что он потом сотворил, чтобы занять престол, было весьма забавным трюком.

После убийства магов в городе воцарились возбуждение, суматоха и смятение – не было наследника династии Кира, которому полагалось занять пустующий трон. Ведь ни Камбиз, ни Бардия сыновей не оставили. Правда, была дочь Бардии по имени Пармис и две дочери Кира. Однако ни одна из них не заявила претензии на власть. Придворные были ошеломлены произошедшим переворотом. Минуло уже пять дней, но все пребывали в растерянности.

Тогда заговорщики («Семь», как они называли свое товарищество; это же число было и их паролем) собрались вновь – чтобы найти выход из создавшегося положения. Отан выступил за установление республики, считая, что неразумно снова доверить верховную власть одному человеку. Он сказал:

– Когда один человек возносится так высоко над своими соплеменниками, он становится подозрительным, завистливым, нахальным и грубым. Он перестает думать о благополучии и счастье других и заботится только о своей власти и о достижении целей, продиктованных деспотической волей, любыми средствами. При таком правлении самые лучшие и полезные для общества граждане неизбежно становятся жертвами. Как правило, тиран выбирают себе фаворитов из числа самых недостойных мужчин и женщин своего царства, потому что они легче всего поддаются на уговоры удовлетворить его порочные увлечения и преступные намерения.

Вторым выступил на совете Мегабаз.

– Я полностью согласен со всеми обличениями Отаном зол системы угнетения и тирании, в которой живут люди, когда их свободы и жизни находятся под деспотическим контролем индивидуальной человеческой воли. Но не надо бросаться из одной крайности в другую. Недостатков и опасностей в общественном контроле над государственными делами едва ли меньше, чем в условиях деспотизма. Общественные собрания всегда отличались беспорядком, пристрастием и капризами. Их решения принимаются под контролем искусных и изобретательных демагогов. Вряд ли простые люди

обладают достаточным благоразумием, чтобы следовать мудрым советам, или энергией и волей, чтобы претворять их в жизнь. Ими всегда управляют страсти, такие, как страх, мщение, экзальтация, ненависть или другие преходящие чувства.

Мегабаз порицал как монархию, так и республику; он выступал за олигархию.

– Сейчас нас уже семеро, – говорил он. – Давайте выберем из ведущих придворных сановников и военачальников небольшую группу деятелей, отличающихся талантами и добродетелями, сформируем компетентный орган, наделенный верховной властью. Такой план избежит недостатков обеих систем. Если кто-либо из представителей властного органа склонится к злоупотреблению властью, другие, число которых будет достаточно велико, поправят его.

Когда Мегабаз закончил речь, свое мнение выразил Дарий. Он сказал:

– Доводы ваши, друзья мои, вполне убедительны. Но вы не совсем объективно оценили обсуждавшиеся системы, поскольку сравнивали хорошее управление одной формы власти с плохим управлением другой. Каждый человек уязвим для злоупотреблений, но все-таки единоличное управление все-таки лучше других. Контроль, осуществляемый единым разумом и волей, отличается большей концентрацией и эффективностью, чем все возможные комбинации в других системах управления. В этом случае выработка планов останется более скрытной и продуманной, а их исполнение – более быстрым и творческим. Там, где власть рассредоточена по многим рукам, всякое энергичное осуществление планов парализуется разладом, враждой и распрями жадных и завистливых соперников. Это соперничество, как правило, ведет к преобладанию кого-то более энергичного и удачливого, чем остальные. Таким образом, и аристократия и демократия ведут в конечном итоге к деспотизму. И наконец, главное: персы привыкли к власти царей, и попытка внедрения новой системы правления может обернуться весьма опасными последствиями, чреватými ломкой устоявшихся привычек и обычаев людей.

Дискуссия продолжалась долго. В конце концов оказалось, что четверо участников совета из семерых согласились с доводами Дария в поддержку монархии. Таким образом, в решении вопроса возобладало мнение большинства.

Недовольный Отан заявил, что не будет чинить никаких препятствий любым мерам по реализации принятого решения, но себя он не станет считать подданным царской власти, которую установят. Он заявил в резкой форме:

– Я не желаю ни управлять другими, ни подчиняться управлению кого-либо. Если хотите, создавайте империю, назначайте ее правителя любым способом, который сочтете нужным, но он не должен считать меня своим подданным. Лично я, моя семья и мои вассалы должны быть абсолютно свободными от его контроля.

Заговорщики приняли предложение Отана, и он удалился.

Оставшиеся шесть участников совещания продолжили обсуждать меры по восстановлению монархии. Сначала они договорились, что следующим царем будет один из них и на кого бы ни пал выбор, остальные пятеро признают его власть. Но они должны потом пользоваться особыми привилегиями и почетом при дворе, во все времена иметь свободный доступ к царю, а жен царь должен выбирать среди их дочерей. После того как были оговорены эти и некоторые другие вопросы, решение о том, кто из шестерых станет царем, отложили на ближайшее будущее.

План, который они спустя сутки приняли вместе с сопутствующими его выполнению обстоятельствами, представлял собой самое необычное явление из всех странных соглашений древности. Но самое интересное – его подсказал Дарий. Участники совещания договорились, что утром они встретятся верхом на конях в определенном месте за стенами города и что царем станет тот, чей конь заржет первым. Этот смехотворный ритуал должен был состояться на рассвете.

Договорившись, все разъехались по домам. Дарий приказал своему конюху Обасу приготовить ему коня до восхода солнца. Никто не знал, что именно Обас был главным советчиком будущего царя по многим вопросам. Это был очень толковый и хитрый малый. Узнав о затруднениях при выборе царя, Обас, коварно ухмыляясь, сказал: «Вам, мой господин, не следует беспокоиться на сей счет. Вы давно мой царь, а теперь станете и царем всей Персии. Я без особого труда устрою так, что выбор падет именно на вас. Ручаюсь головой». И рассказал о своем замысле.

Способ, придуманный Обасом, заключался в том, что накануне вечером он привел на место предстоящей встречи заговорщиков коня Дария, чтобы тот порезвился в компании с молоденькой кобылицей, приглянувшейся жеребцу. В этот вечер между животными возникла сильная симпатия друг к другу, и место выгула прочно запечатлелось в их памяти. Обас рассчитывал, что когда конь придет сюда утром, то обязательно вспомнит о недавнем свидании с подругой, и заржет, призывая ее. Так и случилось. Как только всадники прискакали на обусловленное место встречи, жеребец Дария заржал первым, и его хозяин был единодушно признан царем...

Дарий решительно встал и отшвырнул опустевшую чашу. Она ударилась о мраморный столик, и в опочивальне раздался малиновый звон. Оракул! Он должен испросить свою судьбу у мидийского оракула! И как раз у того, кто предсказал судьбу Камбизу. Да, именно так!

– Эй, кто там! – громко крикнул царь. – Ко мне!

Распахнулись двери, и в комнату вбежал десяток «бессмертных», а с ними и начальник дворцовой стражи хазарапатиш Артагерс.

– Слушаюсь и повинуюсь повелитель! – Он не пал ниц, как предписывал дворцовый этикет, а всего лишь низко поклонился; это была привилегия тысяцкого.

Что касается его подчиненных, то они вообще голов не склонили, а сразу же стали на страже у окон и двери с оружием наизготовку. Им было не до поклонов. Зов повелителя среди ночи не предвещал ничего хорошего.

– Артагерс! Прикажи от моего имени готовиться к поездке в Мидию. Поедем налегке, со сменными лошадьми. Возьмешь под свое командование тысячу «бессмертных» на самых быстрых конях. Поторопись! Выезжаем без длинных сборов. Из запасов только еда, питье и все, что необходимо для жертвоприношения оракулу. Иди!

– Будет исполнено, повелитель!

Артагерс убежал, ушли и телохранители, и Дарий остался наедине со своими мыслями. В этот момент ему показалось, что на него снизошло удивительное

просветление, которого раньше он никогда не испытывал...

Убеленный сединами старик, погруженный в думы, сидит возле естественного водоема, напоминающего большую чашу. Родниковая вода, наполняющая водоем, вытекает прямо из-под горы. Горный воздух почти всегда стылый, но вода довольно теплая; даже в зимние холода она не теряет своих «плавающих друзей» – мелких и крупных рыб. Они считаются священными и их никто не ловит. С одной стороны водоема вырублены в скальном грунте ступеньки, которые позволяют подойти ближе, выпить горсть родниковой воды, совершить омовение и на мгновение замереть возле благословенного места, очищающего душу и мысли.

Немного поодаль возвышается небольшое строение с куполом, вытянутое вверх и квадратное в сечении, со сторонами примерно в шесть локтей. В нем нет ни окон, ни дверей, лишь четыре сквозных арочных проема, высотой в полтора человеческих роста. Четырехарочник построен из дикого камня на меловом растворе; его нижняя часть сделана из каменного щебня, а верхняя, в частности, арки, – из тесаных камней, изготовленных в виде кирпичей. Внутри строение оштукатурено и даже расписано изрядно поблекшими красками; но что нарисовано на стенах и потолке, разобрать трудно – четырехарочник построен в очень давние времена.

«Но где же Вечный огонь?» – в недоумении думал Дарий, поднимаясь по узкой извилистой тропинке к древнейшему святилищу Мидии, оракулу бога времени Зерваны[31 - Зервана – бог времени и повелитель судьбы – изображался в виде стоящего на шаре человека со звериной головой, двумя крыльями и с жезлом в руках. Жезл Зерваны – символ высшей власти; ничто не в состоянии сопротивляться времени, никто не может противостоять ему.]. Ведь в четырехарочнике, распаханном на четыре стороны света, его не разожжешь. К тому же он стоит на совершенно открытом месте, где постоянный сквозняк, и если там развести огонь, ветер непременно погасит пламя. Не говоря уже о дождях, которые, хоть и редко, но все-таки бывают в этих местах, особенно в осенне-весенний период, и могут с легкостью залить огонь.

Но такого просто не могло быть, зороастрийцы никогда бы не допустили осквернения огня. Почитатели Заратуштры настолько благословенно относятся к нему, что даже во время молитвы закрывают лицо паданом, чтобы своим дыханием не осквернить Вечный огонь, не говоря о том, что он может когда-нибудь потухнуть. Считалось страшным грехом и дурным знаком, если огонь

задувал ветер или заливала вода.

За Дарием тащился и Артагерс с «бессмертными», превратившимися в носильщиков – они несли дары оракулу и жертвенных баранов. Уже немолодой хазарапатиш, тяжело дыша и обливаясь потом, мысленно проклинал тот несчастливый день и час, когда он согласился стать начальником стражи царя царей. Должность, конечно, почетная, да и сам Мегабаз к нему благоволил, но как же хочется спать, особенно под утро! А тут еще неумный нрав Дария, который ни свет ни заря потащился в такую даль. Они как сумасшедшие примчались в древнюю мидийскую столицу Экбатану, а затем, миновав все храмы (Артагерс очень надеялся, что в одном из них Дарий и совершит жертвоприношение), и даже не отдохнув, свернули на горную дорогу, которая уж точно была не мед.

Едва царь приблизился к водоему, старец маг встал и низко, но с достоинством, поклонился Дарию. Он был в белых одеждах, а в руках держал связку палочек из тамариска; это был знак того, что он готов к жертвоприношению.

– Я давно тебя дожидаясь, царь царей, – сказал он низким, немного глуховатым голосом. – Хорошо бы ты приехал на рассвете... Но к сожалению, дороги в наших краях чересчур скверные. Соверши омовение, и мы поговорим.

Немного удивленный – откуда маг узнал, что именно сегодня он придет к оракулу, – Дарий умылся, испил воды из источника и сурово посмотрел на мага. Тот спокойно выдержал царственный взгляд и молвил:

– Прости, у меня нет даже плохонького дифра, так что присаживайся рядом. А твои воины пусть отдохнут вон там. – Маг указал на зеленую лужайку внизу, шагах в тридцати ниже по спуску, через которую весело бежал тонкий ручеек, вытекающий из водоема.

Дарий сел, но никаких неудобств при этом не испытал – предусмотрительный Артагерс бросил на камни шкуру горного барса.

– Я так понимаю, царь, ты пришел к оракулу не просто попытать свою судьбу... – Маг, сидевший на камне напротив Дария, казалось, вонзил свои глаза прямо в душу повелителя персов.

– Ну а если понимаешь, так почему спрашиваешь? – несколько резковато ответил Дарий.

– Я не спрашиваю. Я просто отвечаю своим мыслям.

– И что они тебе подсказывают?

– Вряд ли ты хочешь жить вечно. Об этом мечтают только глупцы. А ты, царь, умен и бесстрашен. Но ты весь в сомнениях и колебаниях, что, в общем-то, понятно – умный повелитель не может пребывать в невозмутимом спокойствии и бездеятельности. Зервана, стоящий выше добра и зла, породил царя света Хормазда и Ахримана. Божество зла Ахриман – плод сомнений Зерваны. Но он еще и любимый его сын, созданный на погибель миру – для того, чтобы испытывать человечество...

– Прости, маг, – перебил Дарий старца, – но мне такие высоты философской мысли непостижимы. Я не понимаю, о чем идет речь.

– О двойственности человеческой природы, – объяснил старец. – Ты хочешь не просто править своей великой империей, а получить ярлык на это правление от высших сил.

Дарий был поражен. Маг словно покопался в его голове! Как такое могло случиться?! Не проще ли, вместо пророчеств оракула, сбросить старца со скалы? Глаза царя остро блеснули – он вспомнил, что произошло после того, как заговорщики убили Гаумату и Патицита. Когда народ узнал, как его обманули, то первым делом принялся добивать остальных магов, которых считали сторонниками лжецаря. Уцелели очень немногие, в отдаленных провинциях. И когда Дарий сел на трон, маги уже больше не имели на повелителя персов такого влияния, как прежде.

– Моя смерть ничего не решит, – устало улыбнулся маг, заметив опасные искорки в глазах царя. – Наша судьба покоится на коленях богов, а Зервана стоит над ними. Изменить ничего нельзя. Подправить – да, можно. Ибо дорога к цели не прямая, у нее много ответвлений.

Царь немного подумал и нехотя ответил:

– Ты прав, маг. Мне не нравятся слухи, которые бродят по стране. Самое невинное прозвище, которое мне присвоили, это Торгаш. И все потому, что я лишь упорядочил систему сбора налогов. Я догадываюсь, – даже знаю наверняка, – кто распускает мерзкие сплетни, но нельзя всех убить, потому что потом некем будет править.

«Государство мое процветает и сильно, как никогда, – думал Дарий. – Персы живут в довольстве и богатстве. Многие народы пали ниц перед моим знаменем, с корнем вырвана смута, построена новая столица. Но почему я должен постоянно доказывать всем, что достоин быть царем?! Ведь тот же Кир Великий не имел ничего общего с мидийской династией. Родом он был мард, его отец Атрадат разбойничал, а мать Аргоста пасла овец. Хорош царь! Где только он нашел подтверждение своего царского достоинства? Видимо, у евнуха Артембара, у которого работал подметальщиком и который якобы оставил ему свое состояние. Как же – оставил! Наверное, Кир воспользовался опытом отца своего, разбойника Атрабата, и бедному евнуху ничего другого не оставалось, как оформить на него дарственную. А затем влез в доверие к царю Астиагу, потом пленил его, отобрал трон и стал Киrom Великим. И никто не сомневается в его божественном происхождении. Никто!»

– Ты пришел за знанием, как подтвердить свою царскую Хварну[32 - Верования персов предполагали существование триединой божественной энергии, которая называлась Хварна. Она обладала безграничными творческими возможностями. Эта энергия проявлялась через три вида Хварны – царей, жрецов и воинов. Хварна воинов связана с настоящим – с тем, что человек может конкретно сделать в данный момент своей жизни. Хварна жрецов связана с прошлым, потому что жрец является хранителем ритуала, хранителем традиций и проводит эти традиции или учения через слово, через убеждение. Хварна царей связана с будущим, с мыслью; царь обдумывает планы, как будет жить его народ. Хварна царей – его мысли; она обладает наибольшей энергией, наибольшей свободой. Правитель, вступивший на престол без царской Хварны, обречен так же, как и все его начинания. Дарий очень сомневался, что у него есть царская Хварна, потому что прав на трон, как не крути, он не имел. И это обстоятельство мучило его, не давало покоя.], – сказал маг, глядя прямо в глаза Дарию.

– Ты опять угадал, старик. Я верю в свою судьбу, не боюсь смерти, но мне хочется, чтобы построенное моими предшественниками и мною государство продолжило существовать и процветать в веках.

– Это слова истинного мудреца, великий царь... – Маг склонил голову в легком уважительном поклоне. – Но не будем больше философствовать, приступим к делу. Иди за мной...

Царь позвал Артагерса, чтобы тот привел жертвенное животное и принес прочие дары земли великому Зервану, и послушно потопал вслед магу, который на поверку оказался не таким уж и дряхлым старцем – он ступал по камням легко и быстро. Оказалось, что за скальным выступом есть вход в пещеру. Он был не очень широким, и крепко сбитому Дарию пришлось согнуться и протискиваться в пещеру бочком, но когда он оказался внутри, то невольно ахнул (правда, тихо, чтобы не уронить свое царское достоинство).

Пещера была громадной. Ее свод терялся в темноте, а остальное пространство освещали четыре священных огня, размещенных в виде креста. В центре этой крестообразной фигуры высилась чаша, сработанная искусными мастерами из цельного куска нефрита дымчато-зеленого цвета. По ее бокам резчики изобразили какие-то фигуры, но что они собой представляли, царь не понял. Чаша была заполнена до половины какой-то маслянистой жидкостью и, казалось, светилась изнутри.

Дарий посмотрел на стену пещеры позади священных огней, и почувствовал, как сильно забило сердце. Там был изображен тот, к которому он пришел попытать свою судьбу. Рельефное изображение Зерваны вырубил прямо в скале, и явно в очень далекие времена. Его изрядно закопченный облик был лишь намечен грубым резцом; звериное лицо было плоским, невыразительным, хорошо просматривались только львиная грива, крылья и жезл. По обе стороны повелителя судьбы древний каменотес вырубил трех юношей, трех мужчин и трех старцев. Три возраста – молодость, зрелость и старость – соответствовали будущему, настоящему и прошлому времени, трем стадиям любого процесса: причине, становлению и следствию.

Маг сноровисто полоснул жертвенного барана ножом по горлу, и темно-красная струя хлынула в бронзовый сосуд. Когда он наполнился, старик брызнул несколько капель крови в каждый из четырех огней, а также в нефритовую чашу. После пришел черед и другим дарам богу Зерване: в пламя поочередно были брошены зерна пшеницы и ячменя, кусочки меда в сотах, вяленый овечий сыр и пролито немного молока молодой кобылицы. Огонь недовольно зашипел, на какое-то мгновение притух, но затем взметнулся вверх с новой силой.

Царь перевел дух – жертва принята! Магу не понадобились дополнительные усилия, чтобы поддержать огонь после жертвоприношения. Дарий смотрел на голубоватое пламя и дивился – в очагах не было дров! Там горели камни. Это было настоящее чудо. Что это за камни, царь спросить не решился. Впрочем, он и не надеялся на честный ответ – у магов, как и царей, были свои тайны, и они имели право хранить их с большим тщанием. А уж тайны оракула – тем более.

Маг бросил многозначительный взгляд на Артагерса, который неприкаянно торчал у входа в пещеру, царь понял, и жестом выпроводил хазарапатиша вон. Теперь в пещере остались только они одни. Но не успел Дарий и глазом мигнуть, как возле чаши, словно из каменного пола, выросла прорицательница. Царь не очень верил в разные чудеса, и сразу понял, что в пещере есть боковые ответвления, где и таилось женоподобное существо, представшее перед Дарием.

У прорицательницы имелась высокая женская грудь, но ее нарумяненное лицо покрывала растительность, а небольшая жидкая борода была тщательно завитая. Одежда служительницы Зерваны тоже была женской – пестрой, яркой, но широкий кожаный пояс, который она носила, был воинским, с приклепанными бронзовыми пластинами. Правда, вместо оружия на поясе висели разные магические побрякушки, в том числе и небольшие косточки каких-то животных. В общем, вид прорицательницы (или прорицателя?) впечатлял.

– Я знаю, о чем ты хочешь спросить, царь царей, – высоким голосом сказала прорицательница. – Но удостоит ли тебя ответом всемилостивейший Зервана, про то мне знать не дано. Пока не дано. Для тебя, великий царь, избранник судьбы, я постараюсь...

Все дальнейшее происходило словно в каком-то тумане. Маг сыпнул в чашу жменю порошка с едким запахом, а затем начал бросать туда семена конопли (уж их-то царь хорошо знал). В какой-то момент жидкость в чаше загорелась (как у мага получилось ее поджечь, Дарий так и не понял), и запах конопли, заполнив всю пещеру, начал кружить голову.

Но если царь и маг стояли на расстоянии в три-четыре шага от чаши, то прорицательница находилась рядом. Она склонилась над чашей и жадно вдыхала едкий дым. Дарию еще не приходилось пользоваться услугами оракула, поэтому ему все было в диковинку.

- Вижу! - вдруг вскричала предсказательница. - О, великий! А-а-а!!!

Ее дикий вопль, казалось, потряс пещеру до основания. У Дария душа ушла в пятки. Предсказательница вдруг начала бесноваться, на ее полных накрашенных губах появилась пена, как у загнанной лошади, и слова, которые она выкрикивала, были малопонятны (а то и вообще непонятны; набор звуков). Единственное, что царь услышал довольно явственно, так это Йима и Альбордж. Он вопросительно посмотрел на мага, но тот лишь предостерегающе прижал палец к губам - молчи!

Постепенно дикие бессвязные крики предсказательницы перешли в бормотание, глаза, которые она подкатила под лоб, приобрели осмысленное выражение, и она вдруг ясно и отчетливо, но с запинками, словно ей было тяжело говорить, сказала:

- Иди... и найди дар Хормузда... что оставил... Йима Сияющий на Царь-горе... Альбордж. Это будет... то, что ты... ищешь.

После этих слов предсказательница потеряла сознание. Маг с поразительной для его возраста прытью бросился вперед, подхватил ее безвольное тело и уложил на лежанку - покрытый грубошерстным полосатым ковриком каменный выступ под стеной пещеры. Затем он схватил миниатюрный серебряный кувшинчик и влил в рот бесполой предсказательнице несколько капель то ли вина, то ли какого-то снадобья. После этих манипуляций ее дыхание выровнялось, и она, как показалось Дарию, уснула.

- Уходим отсюда, царь, - сказал маг. - Уходим!

- И это... все?

- Это даже больше, чем все, - сказал маг, когда они оказались возле водоема. - Боги к тебе благосклонны, царь. Присаживайся, и я растолкую тебе слова служительницы Зервана.

Дарий присел все на ту же шкуру барса, а маг расположился напротив него - без обычного стариковского кряхтения и скрипа в костях, будто и не носил на плечах тяжелый груз прожитых лет.

Какое-то время старец молчал, сосредоточенно рассматривая рыбок, хорошо заметных в прозрачной воде. А Дарий в полном недоумении размышлял над словами прорицательницы: какое отношение имеет его дело к Йиме?

Маг не задержался с ответом.

– Царь Йима Сияющий правил благословенной землей Арийана Вэджа много лет. Но однажды к нему явился Хормузд и сказал: «Первой из двух счастливых земель и стран, которые я создал, была Арийана Вэджа. Но вслед за этим Ангро-Майнью, носитель смерти, создал в противовес ей могучую змею и снег. Скоро в твоём мире наступит роковая зима, несущая с собой неистовый разрушительный мороз. Губительная зима, когда выпадает огромное количество снега. И погибнут все три вида животных: те, что живут в диких лесах, те, что живут на вершинах гор, и те, что живут в глубине долин под защитой хлевов. А посему построй себе вар – подземное убежище – размером с пастбище. И приведи туда представителей всякого рода зверей, великих и малых, и скота, и людей, и собак, и птиц, и огонь пылающий. Сделай так, чтобы там текла вода. По берегу водоема на деревья посади птиц среди вечнозеленой листвы. Посади там образцы всех растений, самых красивых и благоухающих, и плоды самые сочные. И все эти предметы и существа уцелеют, пока они находятся в варе. Но не вздумай поместить сюда существ уродливых, бессильных, безумных, безнравственных, лживых, злых, ревнивых, а равно людей с неровными зубами и прокаженных...»

– Мне это известно, маг, – раздраженно сказал царь. – С детских лет.

– Несомненно, – утвердительно закивал старец. – Но есть кое-что, о чем юный отрок, пусть и будущий царь, не задумывался. Йима сделал все так, как советовал Хормузд. Но потом, после длинной зимы, пришел всемирный потоп. И почему-то никто не задался мыслью: а где же Йима построил вар? В какой местности? Ведь у нас здесь в основном равнинные места, а горы не очень высокие.

– А как насчет упомянутой прорицательницей горы Альбордж?

– Вот в этом и заключается весь смысл ее предсказания! Есть две горы Альбордж – в твоих владениях, царь, и в горах Каф[ЗЗ - Каф – Кавказский хребет; Альбордж – гора Эльбрус.]. Как раз там гора – очень высокая гора! –

с таким названием существует издревле, со времен сотворения мира. Разные народы называют ее по-разному: Огненная Гора, Белоснежная Гора, Гора Берс, Гора Кингу, Гора Бога. И именно там Йима Сияющий построил свой вар, а затем оставил один из двух священных предметов, которые дал ему Хормузд, тем самым подтвердив его царственную власть – плеть, украшенную золотом, и золотой рог.

– Ты хочешь сказать?..

– Да! Иди, великий царь, к Горе Бога и найди там царскую Хварну!

Дарий вдруг почувствовал необыкновенное воодушевление. Оракул никогда не ошибается! Тут он вспомнил судьбу Камбиза. Да, все верно! Нужно идти к горе Альбордж. Собрать сильную армию – на это придется потратить не меньше года – и в поход. Царь, конечно, знал, что на северном берегу Ахшайны есть племена заморских саев, но что могут дикие варвары противопоставить его огромному войску? Горы Каф не так уж и далеко, и он за пару месяцев управится.

С этими бодрящими душу и тело мыслями Дарий и покинул оракула Зервана. Богатые дары повелителю судьбы – слитки серебра, драгоценная посуда, меха и ковры – «бессмертные» сложили горкой возле водоема; там же лежали мешки с зерном и кругами вяленого сыра, а также стояла кадушка с медом. Не забыл царь и про вино. А в загородке тоскливо мыкались остальные два жертвенных барана, боязливо принюхиваясь к запаху крови третьего – его уже вытащили из пещеры и положили на камни возле разделочной доски.

– Царь очень щедр, – заметила прорицательница, жадным взглядом окинув дары.

– Да, бараны нам весьма кстати, – рассеянно ответил маг, снимая шкуру с жертвенного животного. – Мы давно не ели мяса. Народ начал забывать Зервана, а цари не каждый день приезжают сюда, чтобы узнать пророчества и пожертвовать на оракула.

– Зачем ты отправил Дария к горам Каф?

– Но ты ведь сама напороочествовала гору Альбордж... – Маг хитро улыбнулся.

– Не знаю... вырвалось как-то само собой. – И тут же прорицательница поправилась: – Так сказал Зервана. Я всего лишь передала его слова. Но мне и в голову не могло прийти, что есть еще одна гора Альбордж.

– Да, есть. А почему я отправил Дария к горам Каф... Дарий мечтает о большой славе. Но по происхождению он из параллельной ветви Ахеменидов – внук Ариарамна, брата царя Кира Великого. Но род Кира через брак с домом Киаксара приобрел значительное количество мидийской крови, а потомки Ариарамна остались чистокровными персами. Вот Дарию и захотелось, чтобы боги подтвердили его царскую сущность. Так почему бы не помочь ему в этом благородном деле? Великий Кир и Камбиз завоевали много народов и племен. Дарий присовокупил к их завоеваниям еще несколько стран и стал править половиной мира. Из просвещенных государств осталась лишь одна Эллада, но она крепкий орешек, и Дарий пока не готов его раскусить. Поэтому пусть до поры до времени оттачивает свое воинское искусство на варварах. Это полезно во всех отношениях.

– Ты хочешь сказать, что на горе Альбордж нет царской Хварны? Что ты солгал царю?

– Не смотри на меня с упреком. В моих словах не было ни капли лжи. Я рассказал ему лишь то, о чем повествуют древние предания. Йима действительно построил свой вар в горах Каф, и там же он оставил священные предметы Хормузда. Один или оба – про то история умалчивает. Если уж царю так приспичило заполучить царскую Хварну, то пусть найдет ее. Путь ему указан.

– А если не найдет? Что тогда будет с твоей головой?

– Мне ли об этом печалиться? Никто не вечен. Нам ли это не знать... – Тут старец хитро улыбнулся. – Думаю, что этот поход принесет Дарию столько разных хлопот, что ему будет не до какого-то никчемного мага. Он думает, что сможет завоевать весь мир, ему мало половины. Это заблуждение. Боги предпочитают равновесие. И когда оно нарушается, то нарушитель жестоко наказывается. Я ведь не зря ему начал говорить о том, что Зерван породил царя света Хормузда и царя тьмы Ахримана. Тем самым великий бог уравновесил человеческие страсти, которыми управляется земной мир. Но Дарий меня не понял. Да и не мог понять – каждому свое...

Прорицательница сокрушенно покачала головой, чисто мужским жестом огладила бороду и принялась помогать старику. Над скалами постепенно поднимался опущенный косматыми седыми тучами алый солнечный диск, предвещавший непогоду и сильный ветер.

Глава 3

Финикийский купец

Спустя три недели после начала осеннего Торжища Борисфенитов в гавань Ольвии вошли два больших грузовых судна в сопровождении диеры – двухпалубного боевого корабля. Сбежавшийся на причал народ рассматривал их со сдержанным гулом – грузовые посудины мало походили на суда эллинов и напоминали своими обводами круглую ореховую скорлупу.

Боевая диера была длиннее, уже и выше грузовых суден. Гребцы располагались на двух палубах для большей скорости, а над ними возвышалась узкая площадка, защищенная щитами, с которой воины во время битвы обстреливали врага из луков и забрасывали дротиками. Но главным оружием был грозный таран, обитый медью и поднятый над водой. На диере находились воины охраны каравана, не менее полусотни человек. Судя по их количеству, груз на судах был очень ценен.

Вскоре все разъяснилось – в Ольвию прибыл богатый финикийский купец. Обычно финикийцы торговали медью, серебром, оловом, слоновой костью, но главным их товаром была краска – тирский пурпур, ценившийся на вес золота, а также ювелирные и стеклянные изделия, в том числе зеркала. Прибытие купца из Ханаана (так финикийцы называли свою страну) вызвало гордость не только у горожан, но и у магистрата, – финикийские купцы всегда были желанными гостями в портах Эллады, а уж про различные города-полисы, созданные метрополией на берега Понта Эвксинского, и говорить не приходилось.

Купец оказался весьма представительным мужчиной – рослым, бородатым, с обветренным лицом, загорелым до черноты. Его одежда была смесью платья финикийского и персидского кроя. Нужно сказать, что своим восточным

одеянием финикиец произвел сильное впечатление на ольвиополитов.

Оставив таможенные формальности на попечение помощника, мрачного здоровяка, очень похожего на пирата, купец попросил агораном указать путь к дому, где проживал весьма уважаемый гражданин Ольвии землевладелец Алким, сын Ификла. Видимо, купец уже вел с ним какие-то дела. Агораном быстро нашел провожатого, и купец важно пошагал по направлению к агоре. Его охраняли два матроса такой же свирепой наружности, как и помощник купца. Оружия у них, ясное дело, не было, но увесистые дубинки в руках и большие ножи у пояса весьма убедительно подсказывали празднующимся портовым бездельникам, способным и кошелек срезать у зазевавшегося гостя или ольвиополита, и бока кому-нибудь намять, если доведется, что с финикийцами шутки плохи.

Финикиец шел и дивился. Чем ближе он подходил к агоре, тем больше встречалось ему каменных домов, построенный по типу греческих – внутренний двор с колоннами, украшенный мраморными статуями львов и грифов, а вокруг двора располагались жилые и хозяйственные помещения и пристройки.

Через агору проходила главная и самая широкая улица – от северных ворот к югу; параллельно и под прямым углом к ней шли другие улицы. С агоры особенно хорошо была видна нижняя часть города, примыкающая к берегу реки, и финикиец даже остановился на некоторое время, чтобы полюбоваться великолепным видом. Несмотря на суровый вид, ему, похоже, не была чужда способность восхищаться красотой окружающего мира.

Дом Алкима находился неподалеку от агоры. Он оказался большим и красивым, крытый дорогой красной черепицей. Видно было, что дела у богатого землевладельца Алкима шли хорошо. Получив пригоршню ольвийских «дельфинчиков», проводник с благодарностью удалился, а финикиец взял в руки деревянный молоток и громко постучал. Спустя какое-то время двери отворились, и на пороге встал разбитной малый, который нимало не смутился при виде внушительной комплекции и богатой одежды незваного гостя.

– Мое почтение, господин хороший! – сказал он весело. – Ты не ошибся дверью? Хозяин никого не ждет.

– Придержи свой глупый язык, раб! – надменно бросил финикиец. – Доложи своему хозяину, что его хочет видеть купец из Сидона[34 - Сидон – соврем. Сайда – третий по величине город Ливана. Один из древнейших городов Финикии, крупнейший торговый центр Древнего мира в X–VIII вв. до н. э.] ханаанин Итобаал.

Купец довольно сносно изъяснялся на языке койне, но все равно чужеземный акцент был ясно различим. На койне говорило в основном простонародное население греческих городов-полисов. Этот язык был с варварскими примесями, но динамичный и выразительный, лишенный витиеватости эллинской речи.

– Не могу, почтеннейший, – изобразил глубокое сожаление на своем улыбчивом молодом лице дерзкий привратник. – Никак не могу.

– Почему?! – громыхнул купец.

– Хозяин почивает. Он приказал разбудить его только в том случае, если к нему явится сам Дионис со своей свитой и амфорой доброго вина. На Диониса ты не похож, да и даров я почему-то не вижу, так что придется обождать. Рекомендую отдохнуть в священной роще. Это вон там, – ткнул он пальцем куда-то в сторону. – Очень приятное место. Заодно и жертву принесешь Аполлону Дельфинию, покровителю мореплавателей. Это делают все гости Ольвии.

– Наглец! Ты смеешь меня учить?! Займитесь им! – приказал финикиец своим слугам.

Похоже, матросы, сопровождавшие Мардунни, были большие любители почесать кулаки. Они напали на привратника без предупреждения, сразу с двух сторон, благо юноша вышел на улицу.

– Э-э, мы так не договаривались! – вскричал привратник Алкима и молниеносно вlepил одному из финикийцев такую увесистую затрещину, что тот упал на землю как подкошенный.

Что касается второго, тот в диком изумлении лишь хлопал ресницами, глядя на свои пустые руки. Только что он в них держал дубинку, а теперь она куда-то испарилась. Впрочем, дубинка улетела недалеко; многозначительно ухмыляясь, страж ворот Алкима демонстративно примерялся, как лучше врезать матросу

по башке – сверху или сбоку по челюсти.

– Что за шум?! – вдруг послышался хриловатый голос, и сам Алким показал народу свой пресветлый лик. – Кто мешает мне отдыхать?

На самом деле лик богатого землевладельца был вовсе не пресветлым, а помятым, как старая тряпка после стирки. Вчера он имел честь принимать у себя вождя небольшого скифского племени, которое вело оседлый образ жизни и занималось сельским хозяйством и с которым Алким договаривался о покупке тысячи медимнов[35 - Медимн – мера сыпучих тел, равен 52,53 л.] зерна. А разве может быть договор крепким и нерушимым, если его не утвердит сам Дионис?[36 - Дионис – в древнегреческой мифологии бог виноделия; ему было посвящено одно из основных празднеств в Древней Греции – Дионисии. Сельские Дионисии отмечались в ноябре – декабре, городские Дионисии праздновались пять дней – в марте – апреле.]

Увы, Алким немного не рассчитал своих сил, к тому же проклятый варвар пил неразбавленное вино как воду, да все подливал ольвиополиту в его чашу, а отказываться никак нельзя было, чтобы не обидеть торгового партнера.

Увидев финикийца, Алким уставился на него как на привидение. Если до этого хмель еще бродил по жилам землевладельца, то при взгляде на строгое, надменное лицо купца он мгновенно испарился.

– Итобаал?! – удивленно и одновременно испуганно воскликнул Алким. – Глазам своим не верю! Ты ли это? В наших краях...

– Здравствуй, Алким, – пробасил ханаанин, возмущенный до глубины души. – Ты плохо встречаешь старого приятеля. Примерно накажи этого раба, – кивком головы он указал на привратника, стоявшего с невинным видом неподалеку, – который осмелился мне дерзить.

– Наказать? – Алким смешался. – Обязательно накажу... после. Только это не раб, а свободный человек.

– Все равно он наглец, каких свет не видывал, – упрямылся финикиец. – Оскорбить гостя – значит оскорбить хозяина.

Аким согласно закивал и, чтобы как-то разрядить обстановку, поторопился пригласить финикийца в дом. Бросив уничтожающий взгляд на парня, Итобаал последовал за Алкимом, но когда вслед за ним направились и телохранители финикийца, привратник заступил им дорогу и сказал:

– Брысь! Псы должны охранять, а не кости обглаживать во время пиршества. Ждите своего хозяина здесь. – С этими словами он захлопнул дверь перед самым носом опешивших матросов и отправился по своим делам.

А их у него накопилось много. Это был тот самый искусный наездник, который сумел укротить мидийского жеребца на Торжище Борисфенитов. Его звали Ивор. Имя было совершенно не характерно для миксэллина, а тем более – ольвиополита, но Алким на такую мелочь не обратил должного внимания. Главным для землевладельца было то, что едва Ивор появился в его хозяйстве, как тут же все дела пошли на лад. Парень сумел найти язык со всеми – с поваром, слугами, рабами, а нерадивого конюха, место которого он занял и который хотел учинить над ним расправу, пригласив для этого своих дружков, Ивор едва не отправил к праотцам.

После этого авторитет Ивора стал непререкаем. Но он им практически не пользовался. Работал, как все, даже больше, конюшню содержал в чистоте, хотя ради этого ему пришлось здорово потрудиться, – неубранного навозу накопились горы, – лошади хозяина были вовремя накормлены, их гривы расчесаны, а бока холеные. Кроме того, Ивор никогда не отказывался подменить кого-нибудь из слуг, если возникала такая надобность. Как раз в тот день, когда в гости к Алкиму пожаловал Итобаал, Ивор выступал в роли привратника.

В общем, Алким не мог нарадоваться столь ценным приобретением. Парень работал за троих, а получал плату совсем мизерную, – землевладелец был жаден и прижимист до неприличия – поэтому просьбу финикийца примерно наказать нахала Алким пропустил мимо ушей.

Итобаал и Алким расположились в парадном зале, украшенном фресками и мозаикой. Финикиец осматривался с невольным удивлением. Он никак не ожидал увидеть в этих варварских краях такой комфорт и такую роскошь. Низенький мраморный столик был уставлен разнообразными яствами в посуде, расписанной искусными мастерами Эллады и покрытой черным и красным лаком. А чеканные серебряные блюда, кубки и дорогой кувшин для вина – стеклянная ойнохойя – дополняли картину.

В красном углу высилась большая статуя Кибелы – Матери богов, весьма почитаемой в Ольвии. Облик ее был обычным – Кибела сидела в кресле с высокой спинкой с львенком на коленях, с тимпаном и чашей в руках. Однако манера исполнения несколько отличалась от греческих изображений. Мать богов была сработана из мрамора, что уже необычно, притом явно местным мастером. Талантливым мастером – прожженный торговец Итобаал неплохо разбирался в художественных ценностях.

– Однако, – одобрительно сказал ханаанин, приняв из рук Алкима позолоченный ритон[37 - Ритон – сосуд для питья в виде рога животного с отверстием в нижнем конце; обычно использовался в священных обрядах. Ритон часто завершался скульптурой в нижней части и украшался рельефами и гравировкой, изготовлялся из металла (золота, серебра и др.), глины, кости, рога.]; это был знак высочайшего почтения к гостю. – И вино у тебя превосходное! – добавил он, с удовольствием отхлебнув несколько глотков. – Хиосское?

– Не угадал... – Алким снисходительно улыбнулся. – Конечно, вина острова Хиос считаются лучшими в Элладе. И они у меня есть. Но ты пьешь критское. Оно древнее нашей истории. Лучшего вина, чем это, я, к примеру, еще не пробовал.

– Действительно, вино просто потрясающее на вкус! – Итобаал посмаковал и в восхищении закатил большие, выпуклые глаза под лоб. – Извини, устал с дороги, все чувства притупились, – пожаловался он Алкиму. – В Ахшайне, как оказалось, пиратов больше, чем в Западном море[38 - Западное море – так финикийцы называли Средиземное море. Древние греки не имели обобщающего названия для всего Средиземного моря, а использовали лишь наименования его отдельных частей: Эгейское море, Критское море, море Ио (ныне Ионическое), Египетское море, Ливийское море и т. д.]. Два раза пришлось с ними сражаться.

– Ты прав, – болезненно скривившись, словно ему наступили на большую мозоль, ответил Алким. – Я имел неосторожность ссудить деньгами одного местного купца, пообещавшего мне солидную прибыль, но пираты имели на сей счет иное мнение... Где теперь этот купец, провалиться ему в Тартар[39 - Тартар – в древнегреческой мифологии глубочайшая бездна, нижние пространства в царстве грешников.], и где моя прибыль?! Одни убытки...

– Судя по обстановке, – финикиец широким жестом обвел парадный зал, – ты совсем не бедствуешь...

– Это видимость, Итобаал, одна видимость, – горестно вздыхал земледелец, пряча глаза от испытующего взгляда гостя. – Год назад случился неурожай, так я чуть по миру с протянутой рукой не пошел. А в этом году едва свел концы с концами.

Итобаал с сочувствием закивал, а затем осторожно молвил:

– У тебя, Алким, появилась хорошая возможность поправить свои дела...

– Ах, как бы это было здорово! – оживился Алким. – Уж не хочешь ли ты предложить мне для перепродажи свои товары... м-мм... по сходной цене? В знак нашей старой дружбы.

– Не исключено, что и товары тоже. – Выражение смуглого лица финикийца стало хищным, отталкивающим. – Нам нужно поговорить без лишних ушей. – Он выразительно посмотрел на весьма симпатичную рабыню, которая обслуживала господ.

Она бросала томные взгляды на купца и вела себя не как служанка, а как гетера. Скорее всего, так оно и было – Алким припас для дорогого гостя очень полезную и приятную во всех отношениях забаву, благо ханаанин был мужчиной в расцвете сил, и его чресла за долгую дорогу соскучились по женской ласке.

– Поговорим на истахра, – перешел на персидский язык Алким. – Кроме меня, в доме его никто не знает.

– Еще не забыл?.. – многозначительно подмигивая, спросил финикиец; он тоже заговорил на истахра – диалекте Фарсы, одной из провинций Персии.

На истахра разговаривал простой народ. Официальным языком Ахеменидской державы был арамейский, который применялся для общения между государственными канцеляриями всего государства. На нем изъяснялись и придворные.

– Как можно! – На лице Алкима появилось мечтательное выражение. – Царь Камбиз был так милостив ко мне....

– Благодаря Камбизу ты смог высоко подняться и стать уважаемым человеком в Ольвии, – подхватил Итобаал. – Не правда ли?

– М-мм... да, в какой-то мере, – не очень охотно признался Алким.

– Я должен тебе сказать, что новый царь Персии не менее щедр, чем Камбиз. Те, кто ему верно служат, не остаются внакладе.

– Ты о чем? – остро посмотрел на ханаанина Алким.

Он вдруг почувствовал сильное волнение. Ольвиополит хорошо помнил тот день и час, когда он познакомился с Итобаалом. Тогда он еще жил в Милете, одном из самых богатых и могущественных ионийских городов-полисов. Удачное расположение Милета позволило городу получать хорошую прибыль от торговли. Его торговые суда плавали по всем известным тогда морям. В гавань Милета нередко заходили и корабли Ханаана – Финикии. Тогда еще совсем молодой, Алким лишь с завистью вздыхал, глядя, как на пристанях разгружают товары из дальних стран. Он мечтал стать богатым купцом, чтобы насладиться роскошью.

Его семья была знатной, но небогатой. Отец Алкима состоял в коллегии девяти проэдров – председателей общественного совета города, а однажды его избрали даже эпистатом – главой совета. Но все эти должности не приносили семье желанного обогащения, тем более, что у Алкима было еще четыре брата и две сестры. Так что на помощь почтенного отца рассчитывать ему особо не приходилось.

И тут появился, как змей-искуситель, Итобаал. Он не требовал многого; ему нужен был лишь верный человек в Ольвии. Вернее, даже не ему, а самому царю Камбизу. Видимо, повелитель персов имел какие-то виды на заморские колонии греков. Алким посетил все три столицы Персии и даже удостоился высочайшего приема во дворце царя, а когда корабль вез его на новое место жительства, в Ольвию, кошелек будущего землевладельца приятно отягощали золотые кизикины, подарок царя Камбиза. Денег вполне хватило на покупку большого участка земли в ольвийской хоре, хозяйского инвентаря, волов, и даже

осталась малая толика на постройку дома.

Прошли годы, и Алким начал забывать, кого должен благодарить за свое благополучие. Итобаал, который долгие десять лет не подавал о себе ни единой весточки, свалился как снег на голову. Его появление сначала испугало Алкима, но затем, по здравому размышлению, богатый землевладелец решил, что никаких противоправных деяний он не совершал, тем более – против Ольвии, и успокоился. А что касается щедрот бывшего повелителя персов, так ведь у царей свои причуды; кого казнят непонятно за что, а кого милуют и награждают – тоже неизвестно за какие заслуги, повинуюсь капризу.

– У тебя есть верные люди, которые хорошо знают степи саев? – спросил Итобаал.

– Если будет нужно, найдем. А зачем?

– То, что я сейчас скажу, должно остаться между нами. Ты сейчас услышишь большую тайну и сразу же забудешь ее. Иначе за твою голову я не дам и ольвийского «дельфинчика». Поклянись своими богами, что тайну сохранишь.

– Но тайны бывают разные...

– Эта пойдет тебе только на пользу. Ты получишь за свои услуги достойное вознаграждение. Клянись! – В голосе купца прозвучал металл.

Алким поклялся. Намек на вознаграждение оказался чересчур веским доводом. Тем более, он хорошо знал, что в денежных делах на Итобаала можно положиться.

– В следующем году, – сказал финикиец, понизив голос, словно его могли подслушать, – царь Дарий придет в степи саев с огромным войском. Это затронет и греческие колонии. Сопrotивляться ему бесполезно, это и так понятно. Когда идет потоп, лучше держаться на гребне волны, нежели лежать, погребенным под илом. У тебя есть шанс оказаться полезным войску повелителя персов, а в его благодарности ты можешь не сомневаться. Он, кстати, не менее щедр, чем Камбиз.

– Это опасно... – почти шепотом ответил изрядно напуганный Алким. – Если уличат в пособничестве персам, мне не сносить головы. И первыми ее потребуют скифы. Они хоть и варвары, но в вопросах чести очень щепетильны. Наконец, кто даст гарантию, что меня не изрубят на куски первый попавшийся воин армии персов? Ведь на мне не написано, кто я и что. А я совершенно не сомневаюсь, что скифы окажут персам сильное сопротивление, и в этом им будут помогать и ольвиополиты. Нет-нет, я не могу!

– У тебя будет фирман самого Дария, – сказал Итобаал, доставая из сумки, висевший у пояса, табличку из обожженной глины. – На нем его личная печать – орел. Любой перс, которому ты ткнешь под нос эту охранную грамоту, склонится перед тобой в земном поклоне и сделает все, что прикажешь. Такие же фирманы получают и проводники.

Алким все еще колебался. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, какая опасность грозит жителям Ольвии в случае похода Дария на скифов. Персы их точно не пощадят. А значит, все добро, нажитое за десять лет, пойдет прахом. Оставалось лишь погрузиться на корабль и срочно отплыть в Милет. Но кто его там ждет? Кому он нужен? Без денег, без достойного положения в обществе он изгой.

Словно проникнув в мысли ольвиополита, Итобаал коварно ухмыльнулся, снова полез в сумку, достал оттуда увесистые кожаный кошелек, и бросил его на стол перед землевладельцем. Раздался мелодичный звон золотых монет, и Алким встрепенулся, как боевой конь при звуке военного рога.

– В кошельке золотые дарики[40 - Дарик – персидская высокопробная золотая монета, основа денежной системы державы Ахеменидов.], – сказал купец снисходительно. – Это задаток. После окончания военной кампании Дарий вознаградит тебя за помощь по-царски. Тем, кого ты наймешь в качестве проводников, плата отдельная... – Еще один кошелек вынырнул из бездонной, как показалось Алкиму, сумки Итобаала и лег рядом с первым. – Здесь двести серебряных драхм[41 - Драхма – серебряная монета Древней Греции, составлявшая 1/100 мины. Равнялась 6 оболам. 6000 драхм = 1 таланту. Вес драхмы в разных весовых системах был разный. Аттическая драхма весила 4,32 г.]. Плати им, сколько запросят, не жадничай. Я верну все убытки – дело того стоит. Ну что, согласен?

– Да-да... – выдавил из себя Алким.

Дальнейшие разговоры уже не касались предстоящего похода Дария на скифов. Оба собеседника перешли на греческий язык, – Алкиму все-таки тяжеловато было излагать свои мысли на персидском, а Итобаал хотел поупражняться в разговорной речи эллинов – и вскоре их застолье пошло гораздо веселее, в более приятном и для землевладельца, и для купца русле. Ивор, притаившийся в кладовке, через тонкую стенку которой было слышно каждое слово гостя и хозяина, тихо выскользнул на подворье и поторопился на конюшню. Ему нужно было хорошенько обдумать услышанное.

Алким сильно ошибался, когда заявил, что в доме, кроме него, никто не владеет персидским языком. Он не мог даже представить, что разбитной, но недалекий, как ему казалось, малый Ивор, лихой наездник и безотказный работник, который и на греческом изъяснялся с варварским акцентом, знает несколько языков.

В те времена это не считалось диковинкой, особенно среди людей купеческого звания. Народов и племен, по территориям которых шли купеческие караваны, было великое множество, и с каждым приходилось находить общий язык. Переводчиков, как таковых, не существовало, да и услуги знатоков чужой речи стоили дорого, поэтому купцы сами стремились овладеть иноземными языками.

Но Ивор не имел никакого отношения к купеческому сословию. И это было бы большой загадкой для самоуверенного Алкима, узнай он о своем заблуждении...

Ивор освободился к вечеру. Итобаал давно ушел, отягощенный своими купеческими заботами, а хозяин Алким снова улегся почивать – новости, привезенные финикийцем, буквально сбили его с ног. Конечно, в этом поучаствовало и доброе вино, но все-таки смятение, охватившее Алкима, оказалось гораздо сильнее божественных чар Диониса, и он принял единственно разумное в данной ситуации решения – залечь на боковую. Серьезные дела нужно решать на свежую голову, а то, что ему предстояло сделать по настоятельной просьбе Итобаала, – как оказалось, не просто купца, а шпиона персидского царя, – было куда уж серьезней.

Юноша торопливо шагал по улицам, не обращая внимания на прохожих. А нужно сказать, что к вечеру Ольвия становилась многолюдной. Начинали работать многочисленные харчевни, степенные ольвиополиты, убеленные сединами, собирались на агоре, чтобы обсудить последние новости, возле фонтана

толпились девушки с гидриями – в основном невесты на выданье, которые в процессе общения не забывали оценивающе поглядывать на юношей, слетавшихся в этот вечерний час к фонтану, как пчелы на мед, а местные гетеры (большой частью вольноотпущенницы) начинали фланировать по набережной Нижнего города в ожидании клиентов. Их хватало – навигация была в самом разгаре, в ольвийской гавани грузились-разгружались десятки торговых судов, и матросы, радуясь недолгому отдыху, пускались во все тяжкие.

Ивор направился в северную часть города, где жили в основном ремесленники и городская беднота. Там тоже было шумно: хозяйки готовили ужин, при этом они трещали, как сороки, по улицам и переулкам бегала галдящая детвора, а кузнецы торопились закончить свои работы до сумерек, и над северной окраиной стоял непрерывный звон от быстрых и звонких перестуков кузнечных молотков.

Парень жил в землянке. Как она ему досталась, про то неизвестно, но в Ольвии с жильем было худо. Разрешение на строительство в основном получали переселенцы из Милета и других городов Эллады, а остальным – местным варварам и прочим – приходилось довольствоваться неказистыми жилищами на окраинах, довольно простыми по своему устройству. Это были землянки, выкопанные в материке, или полуземлянки с невысокими стенами из сырцового кирпича или камня. Пол был обмазан глиной и плотно утопан, двускатные крыши покрывались камышом или соломой. Внутри помещений вырезались в грунте столики, лежанки, очаги, углубления для установки сосудов, небольшие ниши в стенках.

Оказалось, что он делил землянку с приятелем, которого звали Радагос. На языке скифов это значило Одноухий. Собственно говоря, так оно и было – левое ухо Радагоса какой-то вражина срезал под корень, скорее всего, ударом острого меча. Он был старше Ивора, чёрен, как галка, со слегка раскосыми глазами и явно вырос не из того корня, что юноша. Его длинные темные волосы до плеч уже слегка посеребрила седина, тем не менее он был по-юношески весел, говорлив и подвижен.

– Я так понял, тебя опять не покормили, – сказал Радагос, сноровисто ставя на стол, покрытый куском полотна, немудреный ужин. – Твой хозяин скряга и сукин сын.

– А еще он лазутчик персидского царя, – мрачно молвил Ивор.

- Да не может такого быть! - делано удивился Радагос.

- Будет тебе! Мы давно это знали, только Алким ничем себя не выдавал. А сегодня к нему в гости явился финикийский купец, шпион царя Дария, и поведал кое-что очень интересное...

И юноша передал Радагосу все, что он подслушал.

- Да-а, это новость. - Радагос помрачнел. - Очень плохая новость. На наших землях и так крови хватает, а тут еще Дарий... Что он здесь забыл? Шел бы на Элладу, там хоть есть чем поживиться.

- Что будем предпринимать?

- Думаю, первым делом нужно сообщить нашим вождям.

- Может, сразу к скифам?..

- Э-э, нет, к ним я не ходок, сам Иданфирс на меня имеет зуб, а тебе нужно быть здесь и внимательно следить за Алкимом.

- Зачем?

- Затем, что неплохо бы узнать, кого он сосватает персам на роль проводников.

- Ну, узнаем, а что дальше?

- Дальше будем исполнять приказания совета наших вождей, - отрезал Радагос. - Дело слишком серьезное, чтобы мы могли самостоятельно принимать ответственные решения. У нас есть старшие, они за все в ответе.

- Согласен, - немного подумав, ответил Ивор. - Значит, пора в путь... Завтра поедешь?

- Нет, сегодня. Прямо сейчас. Время не терпит.

– Будь осторожен.

– Обязательно буду. Теперь от меня зависит не только моя жизнь...

Пока Ивор ужинал, Радагос облачился в панцирь, состоящий из железных чешуек, рядами нашитых на кожаную основу так, что один ряд закрывал до половины другой (такой панцирь плотно прилегал к телу, не стесняя движений воина), и широкий боевой пояс с приклепанными к нему узкими металлическими пластинами. Это было несколько необычно – защитное оружие у припонтийских племен не имело широкого распространения; оно являлось принадлежностью лишь знатных воинов, и редко встречалось у рядовых. Видимо, Радагос принадлежал к знати, вот только какого племени?

Затем он прицепил к поясу два длинных меча – справа и слева, накинул на плечи серый плащ, надел на голову шлем из прочной многослойной кожи, и, прихватив горит с луком и стрелами, поспешил к коновязи, где его ждал молодой сильный конек скифской породы. Радагос с оружием не таился – уже начало темнеть, к тому же на окраине не очень праздновали порядки, установленные магистратом. Вскоре цокот копыт коня Радагоса затих вдали, и его фигуру скрыла серая пелена глубоких сумерек.

Глава 4

Большой царский прием

Основная часть войска для похода на заморских саев собиралось в Сузах, бывшей столице эламитов. Остальные должны были присоединиться по дороге. Окрестности Суз превратились в военный лагерь – шумный, дымный и суетливый, но царь Дарий не захотел перенести большой прием по случаю празднования Новруза – зороастрийского Нового года – в Парсастахру, для чего он построил там дворец. Парсастахра была скорее церемониальным святилищем, нежели престольным городом.

Столицей Ахеменидской державы царь Дарий избрал Сузы, памятуя о той славе, которой этот город пользовался в древние времена. И хотя царский двор был

кочующим – осень и зиму он проводил в Вавилоне, лето – в Экбатанах, весну – в Сузах, а время больших праздников – в Пасаргадах и Парсастахре, весь центральный аппарат государственного управления находился в Сузах.

Царь встал очень рано. Предстоял тяжелый, наполненный церемониями день, и ему захотелось немного размяться на свежем воздухе. Дарию оседлали коня, и царь, в сопровождении лишь одного хазарапатиша Артагерса, поднялся на невысокую гору, откуда хорошо были видны военный лагерь и его новый дворец. Старая крепость, где был убит лжецарь Гаумата, стояла запущенной, и Дарий уже подумывал разобрать ее по камешку, чтобы на этом месте разбить рошу.

Проезжая мимо ападаны – залы для торжественных приемов, Дарий не смог, чтобы не остановиться и не полюбоваться стелой из полированного мрамора, на котором искусные мастера-ионийцы вырезали и позолотили надпись – перечень, откуда шли материалы и кто строил новый дворец в Сузах.

Дворец строили все сатрапии империи, и для казны он обошелся совсем недорого, не без некоторого самодовольства подумал Дарий. Пусть его и называют за глаза торгашом, но если ему приходится тратить на нужды государства один дарик, то потом он кладет два на его место в сокровищнице.

Просторный величественный дворец располагался на высокой террасе, имел сто десять комнат, коридоров, внутренний двор и огромный парадный зал для приемов – ападану. Все дворцовые постройки были окружены мощной крепостной стеной. Склон террасы царь велел засадить деревьями хвойных пород, и теперь они радовали глаз яркой зеленью.

Царь гордо расправил плечи и тронул повод коня – у него был повод гордиться собой. Норовистый мидийский жеребец, словно почувствовав возвышенное состояние хозяина, ступал ровно, даже торжественно, не пытаясь встать на дыбы или выкинуть какое-нибудь другое коленце...

Дарий не скупился на дорогие подарки и присвоения почетных званий верным людям. Особенно щедро он вознаграждал тех, кто приносил ему интересные сведения. Царь приучил видеть в соглядатайстве доходное дело, и многие быстро смекнули, каким образом можно хорошо заработать. Кроме того, Дарий выслушивал каждого, кто полагал, что ему есть о чем сообщить царю. Отсюда

и пошла молва, что у Дария много глаз и ушей. Люди боялись сказать о царе что-нибудь нелестное, словно он сам мог слышать их речи, или сделать то, что могло причинить ему хоть какой-то вред. Подданным повелителя персов казалось, будто он вездесущ. Поэтому никто не только не осмеливался отозваться о царе без должного почтения, но каждый вел себя так, словно был окружен теми, кто являлся глазами и ушами Дария.

При дворе существовала особая служба, которая производила первичный отбор поступивших сообщений, а в особо важных случаях устраивала доносчику аудиенцию у царя. Ее возглавлял уже немолодой Тирибаз, который и к старости не утратил острого ума и проницательности. Что касается мастигофоров-кнутоносцев, которые стояли шеренгами с кнутами в руках по ходу процессии и стегали каждого, кто хотел протиснуться сквозь толпу поближе к царю, то они находились в подчинении сотника-сатапатиша, помощника Артагерса.

Глядя, как военный лагерь постепенно просыпается, Дарий вспоминал, настолько туго ему пришлось, когда он взошел на трон. Не будь с ним его верных друзей и помощников, с которыми он пошел против Гауматы, Персия уже развалилась бы на куски, а его тело склевали бы грифы-падальщики.

Сразу после захвата престола Дарием против него восстала Вавилония, потом Персия, Мидия, Элам, Маргиана, Парфия, Саттагидия, сакские племена и Египет. А все потому, что его считали узурпатором, который не имел никаких прав на царский трон. Началась долгая, жестокая и кровопролитная борьба за восстановление державы. И, видят боги, он сражался не хуже Кира Великого. Подавив все восстания и восстановив мир в государстве, Дарий подчинил своей власти Фракию, Македонию и северо-западную часть Индии. Теперь границы державы Ахеменидов простирались от реки Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до Эфиопии на юге...

Царь очень удивился бы, узнав, что не только он оказался ранней птичкой. В небольшой комнатухе дворца, неподалеку от женской его половины, происходило совещание, больше похожее на заговор. «Заговорщиков» было двое – один из руководителей тайной стражи, престарелый Тирибаз, и жена царя Атосса.

– Уважаемый Тирибаз, я не понимаю, почему Дарий идет воевать каких-то варваров? – говорила Атосса, стараясь заглянуть в глаза старику. – Я пыталась его отговорить от этого похода, убеждала прежде всего завоевать богатую

Элладу. А что мы можем получить от нищих кочевников? Дикие земли? Но у нас земель и так больше, чем достаточно. Новых данников? Так у нашего повелителя казна ломится от ценностей. Почему?!

– Сие есть большая тайна, – строго сказал Тирибаз. – Скажу тебе, царица, по секрету – наш благословенный повелитель даже военачальникам не раскрывает истинную цель похода. А уж кто ему ближе, как не Гобрий и Мегабаз? Я думаю, царь просто хочет сокрушить мощь заморских саев, которые угрожают границам Персии...

– И для этого он послал к царю саев Иданфирсу посольство с предложением сочетаться браком с его дочерью, – с горькой иронией подхватила Атосса.

– Все это так, – согласно кивнул Тирибаз. – Наш царь, да будет благословенно его имя, мудрый политик и стратег. Иногда осел, нагруженный золотом, может заменить целую армию. Но ты еще не знаешь, что Иданфирс отказал нашему повелителю в его просьбе.

– Отказал?! – изумилась Атосса. – Да этот варвар просто сумасшедший!

– Возможно. Тем не менее, я думаю, что поход будет не из легких. Наши осведомители из колоний эллинов на берегах Ахшайны хорошо потрудились, и военачальникам в общих чертах известен путь, по которому будет идти армия, и сила, с которой им придется столкнуться. Она совсем не маленькая.

– Это меня как раз и пугает. Пусть простят меня боги за мрачные мысли, но что будет, если нашего пресветлого царя постигнет участь моего отца? Военный поход – это всегда большие опасности и трагические случайности. А тебе ведь известно, что Артобазан спит и видит себя на троне.

Ксеркс, сын Атоссы и Дария, не был самым старшим из всех сыновей царя; у царя были и другие сыновья – дети от жены, с которой он сочетался браком еще до восшествия на трон. Самым старшим из них был Артобазан, который по этой причине уже заявил свои права на престол – скорее всего, по подсказке матери.

– Артобазан добродетелен, простодушен и не очень честолюбив, – осторожно сказал Тирибаз. – К сожалению, это не те качества, которые нужны повелителю нашей огромной страны. Однако он старший из сыновей Дария, и по закону

наследования имеет полное право претендовать на трон.

– Ксеркс – внук Кира! – резко возразила Атосса. – Я считаю, что именно он законный наследник престола.

Тирибаз невольно поежился – Атосса затронула самый болезненный вопрос, который мучил Дария с того дня, как он взял в руки царский скипетр. Атосса конечно же была права, поскольку Кир основал империю и являлся ее законным властелином, а Дарий не имел наследственных прав на престол. Он был всего лишь высокопоставленным вельможей, однако не царской крови. Это не лишало Дария права властвовать при жизни, но после его смерти трон по законам Персии должен был унаследовать Артобазан.

– Девочка моя... прости, царица, что так тебя называю. Но я имею на это право, потому что качал тебя на своих коленях, когда ты была еще совсем крохой. Так вот, мой тебе совет: обратись к Демарату. Он в чести у царя, и Дарий всегда прислушивается к его советам. Конечно, поход на заморских саев состоится, тут уж ничего не поделаешь. Царь своих решений не меняет. Но что касается прав Ксеркса на трон, то здесь без помощи Демарата тебе не обойтись.

Демарат был правителем Спарты. Дарий пригласил его в качестве почетного гостя, чтобы вместе отпраздновать Новруз. Демарат был опытным военачальником, и царь надеялся получить у него несколько дельных советов. Спартанцы и скифы (как греки именовали будущих противников Дария) давно установили дружеские связи, и Демарат знал, как воюют варвары.

– Чем может помочь Демарат? Ему вряд ли известно, как мы живем и какие у нас порядки.

– Царь ценит его за ум и знание законов. Не секрет, что у эллинов очень развито законодательство, и наш великий повелитель не гнушается почерпнуть из этой кладези древней мудрости малую толику в интересах нашего государства. Демарат как-то рассказал мне, что по принципам наследственной преемственности власти, принятым в Элладе, Ксеркс является наследником не только Кира, но и Дария, поскольку он старший сын, рожденный после его восшествия на престол. А согласно греческим законам сын имеет право наследовать то положение, которое отец имел в момент его рождения. Поэтому ни один из сыновей, рожденных до воцарения Дария, не имеет права

на персидский трон. Артобазана можно рассматривать лишь как сына вельможи Дария, тогда как Ксеркс – сын Дария-царя. Но прежде я поговорю с Демаратом, а тебе нужно пригласить его на свой прием и дать ему понять, что столь ценная услуга, оказанная царевичу, в будущем может обернуться для лакедемонянина большим, благом.

Атосса схватила за руку престарелого царедворца и горячо воскликнула:

– Ты подарил мне надежду! Я последую твоему совету. И поверь, твоей доброты я никогда не забуду, и если Ксеркс станет царем, – а он им станет! – то будет к тебе более чем благосклонен.

Она радостно выпорхнула из комнаты словно птичка, оставив после себя запах дорогих индийских благовоний. Тирибаз сокрушенно вздохнул и пробормотал:

– Главная милость царей – это когда они не покушаются на твою голову. Но мне в мои годы уже бояться нечего. Собственно, как и ждать больших милостей. Обычно они достаются юным. – Тут он озабоченно нахмурился. – Однако хорошо бы позаботиться о безопасности и Ксеркса, и Артобазана. Похоже, разгорается нешуточная драка за престол, в которой они могут сильно пострадать. Чего очень не хотелось бы – мне импонируют оба. Приставлю я к ним своих людишек. Они будут понадежней «бессмертных», которые могут только щеки надувать от важности, да на парадах щеголять своими красивыми одеждами и дорогим вооружением.

Тирибаз покинул комнату в приподнятом настроении. Вчера, поздним вечером, в Сузы прибыл один из лучших его шпионов, финикийский купец Итобаал. Похоже, он, как обычно, привез важные новости, и Тирибаз уже мысленно прикидывал, какую награду получит от Дария за ценные сведения, добытые купцом из Сидона в землях заморских саев...

По случаю большого царского приема, ападана была украшена зелеными ветками и цветами, а стены и пол покрывали потрясающей красоты ковры. Посреди зала было установлено искусственное дерево с позолоченными и посеребренными листьями; на ветвях висели плоды, украшенные драгоценностями и заполненные душистыми веществами. Царь сидел на своем троне, скрытый златотканой шторой. Сатрапы, их свита, придворные, иноземные гости и слуги двора располагались с другой стороны шторы на расстоянии,

предписанном правилами; протокол даже уточнял это расстояние в локтях для каждого из присутствующих.

Царская охрана, – «бессмертные» – выстроенная шеренгами, с оружием в руках и позолоченными поясами, сдерживала толпу. Над головой царя, подвешенный к потолку на золотой цепи, висел тяжелый венец весом около двух талантов, покрытый золотом и серебром и инкрустированный жемчугом, рубинами и изумрудами. Охрана шторы была поручена самому красивому придворному, сыну вельможи, звание которого звучало как «Будь радостен!». Когда он тянул штору, чтобы показать собравшимся пресветлый лик царя царей, никому не разрешалось делать даже малейший жест. Люди должны были опустить глаза к земле и низко поклониться.

Человек, допущенный Артагерсом лицезреть Дария, получив разрешение, завязывал белым платком рот, чтобы его дыхание не осквернило царское величество, а приблизившись, должен был упасть ниц и оставаться в таком положении до тех пор, пока царь не прикажет ему встать. В зависимости от своего ранга, он оставался стоять или получал разрешение сесть на пол ападаны, на мягкие диван, обшитый золотой парчой, или даже рядом с Дарием, если имел перед ним большие заслуги. Затем, пожелав счастья и многая лета повелителю персов, он припадал к его руке, кольцу, трону или к полу перед троном и пятился назад.

Только спартанский царь Демарат, так же как и шестеро бывших заговорщиков против лжецаря Гауматы, имел право общаться с Дарием, не закрывая рот повязкой и не падая ниц. Демарат поздравил повелителя персов с Новрузом одним из первых, и теперь скромно стоял за спинами придворных, которые пытались отпихнуть друг друга и пробраться вперед, чтобы царь обратил на них внимание. Лицо спартанца было сумрачным, а думы – невеселыми, хотя радушный прием, оказанный ему Дарием, располагал совсем к другому настроению.

Демарата лишала сна и покоя вражда между ним и его соправителем Клеоменом. Царские распри не шли на пользу Спарте и оказались причиной нескольких крупных военных неудач. Чтобы досадить ненавистному соправителю, Демарат отвел войско от Элевсина, чем оказал большую услугу афинянам. А затем, воспользовавшись походом царя-соперника на Эгину, – Клеомен хотел наказать там сторонников персов – не дал ему захватить заложников. Демарат вполне здраво рассудил, что негоже ссориться с таким

сильным правителем, как Дарий, и старался наладить с ним, в противовес заносчивому Клеомену, дружеские отношения.

Он и приехал-то в Сузы только потому, что его пригласил повелитель персов. К сожалению, время для поездки было крайне неудачным. Клеомен вступил в союз с Левтихидом, который был из того же рода, что и Демарат. Он пообещал, что возведет его на престол вместо Демарата. И вот Левтихид, этот сын гиены и осла, по наущению Клеомена, под клятвой обвинил Демарата, утверждая, что тот не сын царя Аристона и поэтому незаконно царствует над спартанцами. Левтихид напомнил суду слова, вырвавшиеся у Аристона, когда слуга сообщил ему весть о рождении первенца. Тогда царь, сочтя по пальцам месяцы со дня женитьбы, поклялся, что это не его сын. Свидетелями Левтихид вызвал тех эфоров[42 - Эфоры - в Древней Спарте, а позже и в Афинах выборные должностные лица (всего было 5 эфоров), обладавшие широким и не всегда четко зафиксированным кругом полномочий.], которые заседали тогда в совете вместе с Аристоном и слышали слова царя.

Забурлили страсти, искусно подогреваемые Клеоменом, и в конечном итоге совет принял решение вопросить оракула в Дельфах - Аристонов ли сын Демарат. Из-за приглашения царя Дария поездку делегации в Дельфы удалось отложить на неопределенный срок, но Демарат совершенно не сомневался в том, что Клеомен подкупит дельфийских жрецов и добьется своего. Он очень сожалел, что не в состоянии опередить соправителя, но ничего поделать не мог. Оставалось уповать лишь на судьбу...

- Демарат, а, Демарат! - Кто-то теребил царя Спарты за полу праздничного плаща-палудамента. - Послушай!

Рослый Демарат невольно вздрогнул и посмотрел вниз. На него смотрели большие черные глаза мальчика лет десяти в богатой парчовой одежде, затканной золотом. Это был царевич Хшаяршан; лакедемонянин переименовал его имя на свой лад и звал Ксерксом.

- Что хочет твоя милость? - вежливо спросил Демарат.

Он знал, что Ксеркс - первенец Дария от Атоссы, дочери Кира. А значит, не исключено, что именно Ксеркс после смерти своего отца займет место на престоле персидской империи. Поэтому Демарат, искусный дипломат

и большой хитрец, относился к мальчику как к равному, и не только по положению, но и по годам. Ксеркс был очень любознателен, однако, как успел подметить царь Спарты, чересчур изнежен и бесхарактерен.

Конечно, когда Ксеркс станет повелителем персов, то характер ему заменит гонор, но Демарат был уверен, что большого толку с него не будет – мальчик туго соображал и не отличался живостью, столь необходимой выдающемуся военачальнику, а также был слишком самоуверен и тщеславен. Умудренный жизнью и дворцовыми интригами, Демарат играл тонкую игру на этих свойствах характера Ксеркса, поэтому мальчик проникся к спартанцу большим доверием и принимал его слова за чистую монету.

– Расскажи мне про свою армию. Правду говорят, что спартанцы непобедимы?

Вопрос неожиданно получился очень коварным. Похоже, Ксеркс не сам додумался до него, кто-то ему подсказал. Демарат поискал глазами наушника-осведомителя тайной стражи, – а он точно должен быть где-то поблизости – но разве можно его вычислить в пестрой многоликой толпе?

– Победить можно любую армию, – осторожно ответил лакедемонянин.

– Даже армию моего отца?

– Я не успел закончить фразу, – с наигранной сердечностью улыбнулся Демарат. – Победить можно любую армию, если во главе ее не стоит повелитель Персии, царь царей Дарий.

– Так ты считаешь, что наше войско сильнее спартанского?

– В какой-то мере да. К тому же оно многочисленней. Но и у нас есть определенные преимущества.

Они говорили шепотом, чтобы не нарушать церемонию, но акустика в ападане была великолепной, поэтому тот, кто хотел подслушать разговор царевича и царя Спарты, мог сделать это совершенно свободно. Но теперь разговор свернул на проторенную колею, – Демарат и Дарий не раз обсуждали достоинства и недостатки спартанского и персидского войска – поэтому

лакедемонянин успокоился и стал смелее.

- Какие преимущества? - не отставал Ксеркс.

- Защитное вооружение в первую очередь. У всех наших гоплитов есть металлические панцири и шлемы. А такая защита в бою имеет немаловажное значение. Но и это еще не все. Гоплиты входят в одну фалангу, которая представляет собой линейный строй копейщиков, насчитывающий восемь шеренг в глубину. Дистанция между шеренгами на ходу четыре локтя, при атаке - два локтя, при отражении атаки - локоть. Такое построение словно железный кулак сметает все на своем пути... в особенности неорганизованные войска варваров.

Про варваров Демарат сказал без опаски. Он знал, что персы мнят себя цивилизованным народом, а варварами называют все племена, которые не входят в состав империи. За исключением эллинов. Демарат криво улыбнулся: в Лакедемонии и во всей Аттике считают варварами как раз персов, хотя они этого и не заслуживали. По крайней мере культура Персии была выше, чем в его стране. Но персы не знали демократии, а в глазах эллинов это было едва не преступлением.

Тем временем большой царский прием продолжался. Сотни лиц мелькали перед Дарием - вавилоняне, египтяне, иудеи, арамеи, эламиты, колхи, эфиопы, арабы, греки... - все народы огромной империи в лице своих самых знатных представителей спешили засвидетельствовать преданность повелителю Персии. Живой и непоседливый, царь всегда тяготился этим действием, тем более сейчас - мыслями он уже был в скифской степи, - но положение обязывало, и Дарий продолжал изображать живого бога. Впрочем, это было недалеко от истины - царь объявил себя сыном богини Нейт[43 - Нейт - в египетской мифологии первоначально богиня неба, сотворившая мир и родившая солнце. Считалась также покровительницей цариц, богиней войны и охоты.], и строил храмы ей и другим египетским божествам. И все лишь ради того, чтобы подтвердить свою царскую Хварну.

Царь вдруг почувствовал большую жажду и решил немного передохнуть, чтобы выпить чашу охлажденного вина с тонизирующими пряностями; он сделал знак юноше, приставленному к шторе, и тот поспешил скрыть пресветлый лик повелителя персов от пестрой толпы, заполнившей ападану. Здесь нужно сказать, что ни один народ не был так подвержен влиянию чужих нравов,

как персы. Персидские цари не довольствовались тем, что переняли обычаи и костюм мидийцев, они многое заимствовали и у других народов. Персам нравились костюмы ассирийцев, вавилонян, фригийцев, лидийцев... Поэтому в ападане царило буйство красок и смешение различных стилей, что придавало большому приему потрясающий колорит и красоту.

Царь Кир, покорив Мидию, ввел при дворе моду на мидийский костюм, ставший официальным. Мидийская верхняя одежда изготавливалась из тонких шерстяных и шелковых тканей пурпурного и темно-красного цвета, она была широкой и длинной, состояла из кафтана-халата, накидки и шаровар. Мидийский костюм носили лишь приближенные царя и высшие придворные чины, простой народ не имел права так одеваться.

Небольшой перерыв в церемонии царского приема оказался весьма кстати. Тирибаз давно наблюдал за Демаратом, не решаясь подойти и заговорить с ним на интересующую его тему. Ведь спартанец все-таки царь, а Тирибаз всего лишь мелкая сошка, администратор, один из многих царских придворных. Впрочем, Тирибаз не сомневался, что Демарату известно, чем он занимается, а тайную стражу, «уши и глаза царя», побаивались все (в том числе и царские гости из других стран) и старались с ней не конфликтовать.

– Царевич, тебя ждет мать, – строго сказал Тирибаз, обращаясь к Ксерксу.

Мальчик послушно кивнул и поторопился исчезнуть. Он был впечатлителен, как все дети, и этот засушенный старик казался ему скорпионом, готовым нанести удар своим жалом в любой момент. Особенно пугали Ксеркса глаза Тирибаза – неподвижные и холодные, как горный лед.

При виде Тирибаза спартанский царь насторожился. Ему, как и Ксерксу, был неприятен этот старик, но положение Тирибаза при дворе Дария заставило Демарата любезно улыбнуться и изобразить легкий поклон. В ответ Тирибаз тоже поклонился, даже ниже, чем требовалось по этикету, и Демарат насторожился – такое поведение одного из всемогущих начальников тайной стражи не предвещало ничего хорошего. Спартанец пытался оставаться спокойным, но ему не удалось скрыть волнение, и Тирибаз мысленно рассмеялся – даже храбрец, способный идти на смерть без сомнений и колебаний, пасует перед тайной службой. Невидимая угроза вызывает больший страх, нежели видимая опасность.

– С твоего позволения, нам нужно поговорить, царь... – Тирибаз был сама любезность.

– Я слушаю, уважаемый Тирибаз.

– Третьего дня наши люди поймали одного грека... ионийца. При нем нашли отравленный индийский кинжал и большую сумму денег. От яда, которым смазан клинок, нет противоядия. Достаточно легкой царапины, чтобы наступила неминуемая смерть.

– Какое отношение этот иониец имеет ко мне?

– Прямое. Он вез кинжал и деньги человеку из твоей свиты. Догадываешься, зачем?

– Догадываюсь... – Демарат крепко стиснул зубы; похоже, Клеомен решил подстраховаться, не очень надеясь на дельфийского оракула.

– Ты уж прости нас, что мы сделали это без твоего согласия, но человека из твоей свиты мы тоже взяли. Чтобы не успел сбежать. А уж как ты там с ним справишься, то не наше дело. Он находится под замком, и твои люди могут забрать его в любое время. Если хочешь его поспрашивать, можем посодействовать. У нас есть большие мастера заплечных дел.

По лицу Тирибаза нельзя было понять, что тот думает. А он в этот момент вспоминал, как допрашивали несостоявшегося убийцу царя Демарата – конечно же упустить столь ценную информацию о состоянии дел в Спарте и Аттике тайная стража не могла. Тем более что изменник оказался не простым человеком, а принадлежал к спартанской знати и был хорошо информирован. Тирибаз мысленно рассмеялся; оказывается, лакедемоняне не такие уж и твердокаменные, как о них говорят. При виде раскаленного прута человек из свиты Демарата заговорил в захлеб, и выложил все, что знал и что не знал.

– Прими мою благодарность, уважаемый Тирибаз, – сердечно сказал Демарат. – Я перед тобой в долгу.

– Что ж, у тебя есть возможность отдать долг... – Тирибаз посмотрел прямо в глаза царю Спарты. – Прямо сейчас.

– Если это не будет противоречить моим понятиям о чести и достоинстве, – сухо ответил Демарат.

«Ох уж эти честняги! – скептически подумал Тирибаз. – Не мешало бы тебе, царь, вспомнить, с чего начался твой конфликт с Клеоменом. Ты оклеветал его, выставил на посмешище. Где тогда была твоя честь? Наверное, спала. А теперь вдруг проснулась. Чудеса, да и только...»

– Ни в коем случае! – с горячностью сказал Тирибаз. – Просто нужен твой совет.

– Совет – это пожалуйста... – Демарат, ожидавший какого-то подвоха, расслабился и облегченно вздохнул.

– Но ты должен дать его самому царю царей...

Демарат поежился, словно ему вдруг стало зябко. Дарий редко прислушивался к советам, тем более, чужеземцев. Он был очень недоверчив и скрытен и считал, что самый лучший советчик – это собственный ум, трезвый и холодный. А уж интриги Дарий распознавал за парасанг[44 - Парасанг – древняя мера длины у персов, египтян и других восточных народов, различных размеров. Обычно это расстояние, которое проходит караван до очередного привала; иначе – расстояние, которое можно пройти пешком за час. Один персидский парсанг = 5549 м.]. Похоже, Тирибаз как раз и затевал какую-то интригу. Но назад ходу уже не было – долг платежом красен.

– Захочет ли он выслушать меня, – с сомнением сказал Демарат.

– Захочет, – уверенно сказал Тирибаз. – Тем более что совет твой будет касаться толкования некоторых эллинских законов, в которых ты большой дока... – И он передал Демарату пожелания царицы Атоссы. – Не сомневаюсь, что она попросит тебя об этом лично, но ты должен быть готов к разговору. Ксеркс никогда не забудет о твоей услуге, поверь. Всего несколько слов, сказанных вовремя и по делу, могут сослужить тебе большую службу в будущем.

На том они и попрощались. Демарат со сдержанной радостью, – поговорить с Дарием! всего лишь! какие пустяки... – а Тирибаз с чувством честно исполненного долга. Теперь в этой придворной интриге пусть участвуют другие (естественно, под контролем тайной службы), а его дело – сторона.

Царский прием с небольшими перерывами длился почти до самого вечера. А затем начался долгожданный пир. Сытное угощение получила и армия. Долгожданный Новруз наконец вступил в свои права.

Глава 5

Ольвийская харчевня

Кто в Нижнем городе не знает харчевню-капелею Фесариона? Расположенная в гавани, она привлекала к себе не только матросов и гетер, но и вполне приличных граждан. У Фесариона всегда можно было узнать последние новости, посудачить о делах житейских, а то и устроить политический диспут, благо хватало и оппонентов, и благодарных слушателей.

Фесарион появился в Ольвии не так, как основная масса колонистов, которые тащили с собой разное барахло, – нужное и не очень – вместе с домочадцами, рабами и даже живностью, будто плыли в совершенно дикие края, где сплошная пустыня. Фесариона доставила в ольвийский порт изрядно потрепанная галера, и он высадился на берег в рваном платье и с одной котомкой на плечах. Подтвердив в магистрате, что он вольный человек, Фесарион какое-то время перебивался случайными заработками, а затем вдруг купил у одного престарелого ольвиополита, возжелавшего умереть в родных краях и уехавшего в Милет, участок земли в Нижнем городе.

Купив землю, Фесарион размахнулся не на шутку. Он построил самую большую харчевню, и не только в масштабах Ольвии, но и других греческих колоний. Мало того, он усовершенствовал свое дело, добавив к харчевне еще и несколько жилых помещений. Две комнаты занимал он сам, а остальные служили гостиничными номерами для приезжих. Это было необычно, и харчевня-капелея Фесариона сразу же начала процветать, так как комнаты у него снимали в основном купцы, и платили они не скупясь.

Посвистывая, Ивор шел по Ольвии. Он направлялся в харчевню-капелею Фесариона с важным заданием хозяина – отыскать двух вольноотпущенников. Их звали Кимерий и Лид. Собственно говоря, настоящих имен этих двух проходимцев никто не знал; Кимерий и Лид были прозвищами. Первый был сыном киммерийца и женщины из племени скифов, а второй родился в Лидии, но вряд ли был чистокровным лидийцем. Как они попали в рабство, про то история умалчивает, так же, как и то, за какие заслуги получили вольную. Но дальнейшие «подвиги» Кимерия и Лида были хорошо известны ольвиополитам.

Обычно осень и зиму они проводили в Ольвии – отсыпались, пьянствовали и буянили. А с весны уходили на промысел – били в лесах возле Борисфена дичь и разного зверя. Мясо оленей и диких лошадей-тарпанов они солили и вялили, чтобы потом продать на Торжище Борисфенитов, а шкуры пушных зверей сдавали Алкиму, который имел от этих сделок неплохую прибыль.

Алким знал, что Кимерий и Лид возвратились в Ольвию, и не с пустыми руками – землевладелец уже успел продать пушнину заезжему купцу из метрополии. Но вот где их можно отыскать, Алким понятия не имел. Сначала он послал на поиски раба, совершенно бестолкового малого, который знал двух приятелей в лицо, но тот пришел навеселе и лишь руками разводил – не найти их, никак не найти. Ольвия была как будто и небольшой, тем не менее людей в ней хватало, и затеряться среди этого многолюдья не составляло особого труда. Особенно если залечь в какой-нибудь землянке на окраине с несколькими кувшинами доброго вина.

Тогда Алким с некоторым сомнением обратился к Ивору – тот не был знаком с Кимерием и Лидом.

– Ты не беспокойся, хозяин, – с неизменной улыбкой уверенно ответил Ивор. – Немножко серебра в мой кошелек, и я тебе доставлю их тепленькими.

Алким покривился, будто съел кислое яблоко-дичок, повздыхал, и полез в кошелек – при всех достоинствах Ивор оказался парнем не промах. Конечно, плату за основную работу он получал небольшую, но когда дело касалось каких-либо поручений на стороне, землевладелец хватался за сердце – Ивор бесцеремонно брал в три раза дороже, чем другие. Спорить с ним на эту тему было бесполезно. «Хозяин, у тебя куча слуг. Почему бы им не заняться этим

делом?» – говорил, безмятежно посмеиваясь, Ивор.

«Потому!» – мысленно отвечал сердитый Алким... и отсчитывал требуемую сумму; он точно знал, что Ивор исполнит его поручение в лучшем виде.

Ивор догадывался, где можно найти двух проходимцев. Ни один из обитателей ольвийского «дна», когда у него появлялись деньги, не проходил мимо капелеи Фесариона. Знал юноша и зачем они понадобились Алкиму. Похоже, именно их его хозяин хотел сосватать на роль проводников армии царя Дария.

В харчевне Фесариона в этот утренний час было не очень людно. Полуночники все еще спали, а те, кто трудился в поте лица своего, уже работали. В порту скрипели лебедки, свистели и кричали надсмотрщики, матросы крепили груз на палубах, вспоминая на разных языках всех богов, притом не всегда в превосходной степени, а купцы препирались с таможенниками, которые не прочь были выдоить из них лишнюю монету.

Из рыбозасолочных сараев, где от зари до зари копошились худые и мрачные рабы, доносилось зловоние соленой рыбы, к этим запахам примешивался дым с коптилен и запах мочи, – неподалеку от заведения Фесариона находился общественный туалет – но это никак не сказывалось на аппетите посетителей харчевни. Их обоняние было привычным к смраду; оно закалилось на рыбном соусе, который был любимой приправой греков, и в частности ольвиополитов.

Не добавлял приятных запахов и общественный туалет. Его построили на деньги богатых граждан по римскому образцу – в Ольвии было немало тех, кому довелось побывать в Риме, особенно представителей купечества. Конечно, ольвийский туалет не шел ни в какое сравнение с римским; в нем не было мраморных сидений, украшенных резьбой, и вода для смыва не была проточной (в Ольвии ее привозили рабы-водовозы в больших бочках), но рядом с лотков продавали куски мягкой губки на палочке для нужного дела, точно как в Риме, и это обстоятельство вызывало у членов магистрата чувство гордости.

Ивор зашел в харчевню-капелею и огляделся. Подслеповатые окошки давали мало света, а два жировых светильника теплились только на раздаче, возле термополия, – Фесарион, несмотря на хороший доход, был человеком экономным. Привыкнув к полумраку, Ивор наконец различил в дальнем углу спящую гетеру (она сидела на скамье, уронив голову на стол), поближе к выходу

расположились скифы-гиппотоксоты, городская стража, сменившаяся после ночного дежурства, а возле одного из окон бражничали матросы, судя по одежде, фессалийцы. Их корабль был одним из последних в этом году – вскоре должны были начаться осенние шторма, и навигация замирала до следующего лета.

Увы, Кимерия и Лида в харчевне не было. Досадно, подумал Ивор, и обратился к Фесариону, который сумрачно глядел в оконце, подперев массивный подбородок своими кулачищами:

– Мое почтение, уважаемый Фесарион!

– А, это ты... Приветствую тебя, Ивор.

Судя по всему, они были хорошо знакомы.

– Что загрустил? – спросил Ивор, усаживаясь за стол.

– Зима скоро...

– Тебе-то что? В харчевне и зимой не протолкнуться.

– Так-то оно так, да не совсем. Зимой у меня столуется одна голытьба, что с нее возьмешь? А летом и осенью в харчевню заходит народ богатый, часто – купечество, кошельки у них полны серебра и золота, заказывают мясо и рыбу, дорогие вина...

– Не нуди, за сезон ты зарабатываешь вполне достаточно, чтобы потом целый год не бедствовать.

– А ты считал мои деньги? – огрызнулся харчевник.

– Недолго и сосчитать, – ответил Ивор и, заметив, что Фесарион недовольно нахмурился, поспешил добавить: – Но я рад, что дела у тебя идут отлично. И потом, всем известно, что лучше харчевни в городе не найти. У тебя можно и сытно покушать, и время приятно провести. Слава о твоём заведении ширится, тебя уже знают не только в полисах на берегах Понта Эвксинского,

но и за морем.

– Твои бы слова да в уши богов, – проворчал Фесарион, стараясь не выдать, что слова Ивора для него как елей на душу. – Будешь что-нибудь заказывать? У меня есть отличное хиосское. Берегу это вино только для хороших людей.

– Обязательно закажу. Вино в первую очередь... – «Гулять так гулять! – подумал Ивор. – За все платит Алким». – А еще поджарь мне рыбку, да побольше. Так, как только ты один умеешь. Но не доверяй это дело Санапи! Похлебки она варит потрясающе вкусные... когда находится не в «хорошем настроении», однако рыбу жарить не умеет.

«Хорошее настроение» у помощницы Фесариона, которую прозвали Санапи, случилось тогда, когда она была на изрядном подпитии. Собственно говоря, ее прозвище говорило само за себя. Она была скифянка, из вольноотпущенниц, а Санапи в переводе со скифского языка значило «выпивоха».

– Сделаем тебе рыбу, – пообещал Фесарион и принялся священнодействовать у плиты.

Тем временем появилась Санапи и по указанию харчевника принесла Ивору кувшин хиосского вина, родниковую воду и килик[45 - Килик – древнегреческий сосуд для напитков плоской формы на короткой ножке с двумя ручками.]. Она игриво повела плечами и посмотрела на юношу такими загадочно-прозрачными глазами, что тот несколько смешался. Санапи никак нельзя было назвать дурнушкой, только раньше она, что называется, светила ребрами (жадный Алким никогда не кормил рабов досыта – в основном чечевичной похлебкой и ячменными хлебцами, а зимой даже желудями), но в харчевне округлилась и стала как наливное яблочко.

– Вино разбавить? – спросила она, будто невзначай прижавшись к нему крутым бедром.

Ее вопрос был отнюдь не праздным. Вино греки обычно смешивали с водой в отличие от варваров, которые пили дар Диониса неразбавленным. Санапи приходилось обслуживать Ивора, и она уже знала его странные привычки. Рецину[46 - Рецина – «смола» (греч.) – самое известное и древнее греческое вино. Обладало сильным ароматом и привкусом смолы. Название связано

с древней традицией герметически закупоривать амфоры с вином смесью гипса и смолы. Так вино дольше хранилось и при этом впитывало запах смолы.], к примеру, он пил в чистом виде, а в вина более крепкие доливал воды, но самую малость.

– Спасибо, красотка, я как-нибудь сам, – стараясь не выдать замешательства, ответил Ивор.

Санапи снова одарила его многозначительным взглядом и исчезла во внутренних помещениях харчевни. Фесарион зло посмотрел ей вслед; от его внимания не ускользнуло, что девушка вела себя с Ивором чересчур вольно.

Почистив большую рыбину, Фесарион нафаршировал ее сыром и ароматическими травами, налил оливкового масла на сковородку, и вскоре восхитительный запах поджарки вскружил голову проголодавшегося юноши. Спустя какое-то время подрумяненная рыбина, уложенная на овальное керамическое блюдо, стояла перед Ивором, и он едва сдержался, чтобы не наброситься на нее голодным зверем; но прежде юноша хотел задать Фесариону интересующий его вопрос.

– Что-то не вижу я Кимерия и Лида, – небрежно сказал Ивор, чтобы не выдать крайнюю заинтересованность. – Обычно в это время они уже здесь.

– Мне нет до них никакого дела, – буркнул Фесарион, он все еще был под влиянием беспричинной ревности.

– Позволь не поверите тебе, уважаемый Фесарион, – не отставал юноша. – Они говорят, что для них ты просто благодетель. Не будь тебя, им пришлось бы очень туго, особенно зимой.

– Объедки, брошенные шелудивому псу, еще не значат, что человек, совершивший этот поступок, обладает состраданием к ближним и высокой нравственностью.

– Да ты, оказывается, философ, Фесарион!

– Отнюдь. Просто в моей харчевне бывают ученые люди, и часто они несут такую ахинею, что она не лезет ни в какие ворота. У простого народа от их споров

голова кругом идет. А я слушаю и мотаю на ус... – Тут харчевник коротко хохотнул. – Чтобы потом разным оболтусам мозги вправлять.

– Так все-таки, где сейчас Кимерий и Лид? – напрямую спросил Ивор, пользуясь тем, что настроение у Фесариона значительно улучшилось.

– Зачем они тебе? – Харчевник глянул на Ивора с подозрением.

– Надо.

– Если надо – ищи.

– Уж не думаешь ли ты, что я записался в сикофанты[47 - Сикофант – доносчик, клеветник.] и хочу сдать их городской страже? Я ведь могу и обидеться, Фесарион. – Взгляд юноши потяжелел.

– Говорю же – не знаю, где они! Были третьего дня, набрали много вина, еды и испарились. И один и другой осторожничают, уж не знаю, по какой причине. Не любят они многолюдного общества, живут, как волки.

– Не обижай благородных зверей. Кимерий и Лид скорее хорьки.

– Тем не менее ты ищешь их.

– Ищу. Хозяин просил, – ответил Ивор без опаски.

Алким не дал ему указание держать язык за зубами, и юноша знал, по какой причине – чтобы не возбудить в нем лишних подозрений.

– Алким?

– Он...

Фесарион уже знал, что Ивор поступил в услужение к землевладельцу – слухи в Ольвии расходились очень быстро. Достаточно было провести вечерние часы на агоре или посидеть в харчевне, чтобы узнать не только самые свежие

новости, но и то, что будет завтра-послезавтра – предсказателей разного толка было пруд пруди.

– А они зачем ему? – спросил Фесарион.

– Хочет пригласить отобедать.

– Да ну! – удивился харчевник.

– Шучу... Не знаю. Мое дело маленькое: найти Кимерия и Лида и сказать им пару слов. Все. Ну, так что, подскажешь, где они могут быть?

– Клянусь матерью Кибелой, понятия не имею!

Ивор огорченно вздохнул, махнул рукой (мол, что поделаешь, не сvezло) и принялся за еду, потому как его обед уже начал остывать, что было недопустимо – фаршированную сыром рыбину нужно было есть горячей. Тем более Фесарион не пожалел для Ивора щепотки сильфия, а кто ж не знает, что эта травка наиболее ароматна, когда еда подается с пылу с жару.

Он не поверил Фесариону. Слишком много Ивор знал и о самом харчевнике, и про двух неразлучных приятелей, которым столь любезно уединение. Несмотря на свое вполне мирное занятие, Фесарион не забыл прежнее ремесло. Только сейчас он не участвовал в темных делах, а служил посредником между разбойниками и теми, кто скупал награбленное.

Под сенью дремучих лесов возле Борисфена, в степных ярах и лощинах жили не только скифские и иные племена. Там прятались и изгои, по тем или иным причинам изгнанные из своих поселений, беглые рабы и вольноотпущенники, которых привлекала полная свобода и возможность поправить свои дела разбоем. Конечно, и некоторые вполне добропорядочные скифы не брезговали потрепать караван какого-нибудь купца, но царь Иданфирс, правивший скифскими племенами, в случае поимки таких отступников карал их нещадно. Вожди скифов были заинтересованы в торговле с эллинами и другими народами, и по мере возможности охраняли пути следования караванов. Но уж больно дикими и бескрайними были скифские степи, и разбойники всегда ухитрялись найти незащищенный участок.

Грабежом караванов занимались и Кимерий с Лидом – в промежутках между охотой, которая служила прикрытием их неблагоприятных делишек. Иначе магистрат уже давно заинтересовался бы деятельностью этих неразлучных бродяг, и тогда их или утопили бы в море, или им пришлось бы бежать в леса и жить дикарями, что для Кимерия и Лида, привыкшим к благам цивилизации, хоть и минимальным, было очень нежелательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Геты – древний воинственный фракийский народ, родственник дакам, с которыми его смешивали римляне; жил во времена Геродота между Балканами и Дунаем.

2

Дарий I (Дараявауш) – персидский царь, правил в 522–486 гг. до н. э. Представитель младшей линии Ахеменидов, сын Виштаспы (греч. – Гистаспа).

3

Заморские саи – так персы называли скифов; саи – это самоназвание «царских» скифов.

4

Парсастахра (перс.) – Персеполис (греч.) – древнеперсидский город, возникший в VI–V вв. до н. э., одна из столиц огромной империи Ахеменидов.

5

Мильтиад – будущий афинский полководец, который разбил персов в 490 г. до н. э. при Марафоне.

6

Локоть – персидский локоть равен 53,3 см.

7

Ахшайна – Темно-синее море – персидское название Черного моря.

8

Пентеконтера – древнегреческая галера, тип разбойничьего корабля, без палубы (катастрофы), водоизмещением около 10 тонн. Количество гребцов – 50 (24 весла по 2 человека и 2 весла по 1 гребцу); существовала уже в Троянскую войну.

9

Сколоты – самоназвание скифов; буквально – «царские» скифы, потомки мифического царя племени паралатов Колаксия.

10

Архонт – высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

11

Дэв – в персидской мифологии – злой дух.

12

Талант – единица массы и счетно-денежная единица, использовавшаяся в античные времена в Европе, Передней Азии и Северной Африке.

13

Боспор Фракийский – пролив Босфор – древнегреческое название пролива, соединяющего Черное море (Понт Эвксинский) с Мраморным морем (Пропонтидой).

14

Истр – река Дунай.

15

Дифр – низкий табурет без спинки.

16

Горит – деревянный футляр для лука и стрел, использовавшийся в основном скифами в конце VI – начале II в. до н. э.

17

Копис – изогнутый вперед меч с односторонней заточкой по внутренней грани лезвия, предназначенный в первую очередь для рубящих ударов. Греки называли такие мечи махайрами.

18

Ахурамазда (Хормазд, Ормузд) – авестийское имя божества, провозглашенного пророком Заратуштрой, основателем зороастризма, единым Богом.

19

Ольвия – античный рабовладельческий город-государство, находившийся на правом берегу Бугского лимана.

20

Ойкумена (др. греч. «населяю, обитаю») – освоенная человечеством часть мира.

21

Агора – рыночная площадь в древнегреческих полисах (т. е., городах-государствах), являвшаяся местом общегражданских собраний. На площади, обычно располагавшейся в центре города, находились главный городской рынок и нередко правительственные учреждения.

22

Борисфен – река Днепр.

23

Сильфий – растение из семейства зонтичных, похожее на укроп; широко использовался в Древней Греции и Древнем Риме как приправа и как лекарственное средство. Представлял для греков и римлян большую ценность. Он считался даром Аполлона и продавался на вес монет – серебряных денариев.

24

Хитон – мужская и женская (нижняя) одежда у древних греков; подобие рубашки (льняной или шерстяной), чаще без рукавов.

25

Гидрия – древнегреческий керамический кувшин для воды. У гидрии три ручки: две маленькие горизонтальные по бокам сосуда для того, чтобы поднимать его, и одна вертикальная посередине для удобства разливания воды. Гидрии носили на голове или на плече.

26

Миксэллины – ребенок от межэтнических браков между скифами и греками; обычно миксэллины относили себя к греческой цивилизации.

27

Гипанис – река Буг.

28

Оксюгала – хмельное питье из перебродившего кобыльего молока.

29

Тиштрия – четвертый месяц зороастрийского календаря (22 июня–22 июля).

30

Десятый день месяца Багаяди – 29 сентября.

31

Зервана – бог времени и повелитель судьбы – изображался в виде стоящего на шаре человека со звериной головой, двумя крыльями и с жезлом в руках. Жезл Зерваны – символ высшей власти; ничто не в состоянии сопротивляться времени, никто не может противостоять ему.

32

Верования персов предполагали существование триединой божественной энергии, которая называлась Хварна. Она обладала безграничными творческими возможностями. Эта энергия проявлялась через три вида Хварны – царей, жрецов и воинов. Хварна воинов связана с настоящим – с тем, что человек может

конкретно сделать в данный момент своей жизни. Хварна жрецов связана с прошлым, потому что жрец является хранителем ритуала, хранителем традиций и проводит эти традиции или учения через слово, через убеждение. Хварна царей связана с будущим, с мыслью; царь обдумывает планы, как будет жить его народ. Хварна царей – его мысли; она обладает наибольшей энергией, наибольшей свободой. Правитель, вступивший на престол без царской Хварны, обречен так же, как и все его начинания. Дарий очень сомневался, что у него есть царская Хварна, потому что прав на трон, как не крути, он не имел. И это обстоятельство мучило его, не давало покоя.

33

Каф – Кавказский хребет; Альбордж – гора Эльбрус.

34

Сидон – соврем. Сайда – третий по величине город Ливана. Один из древнейших городов Финикии, крупнейший торговый центр Древнего мира в X–VIII вв. до н. э.

35

Медимн – мера сыпучих тел, равен 52,53 л.

36

Дионис – в древнегреческой мифологии бог виноделия; ему было посвящено одно из основных празднеств в Древней Греции – Дионисии. Сельские Дионисии

отмечались в ноябре – декабре, городские Дионисии праздновались пять дней – в марте – апреле.

37

Ритон – сосуд для питья в виде рога животного с отверстием в нижнем конце; обычно использовался в священных обрядах. Ритон часто завершался скульптурой в нижней части и украшался рельефами и гравировкой, изготовлялся из металла (золота, серебра и др.), глины, кости, рога.

38

Западное море – так финикийцы называли Средиземное море. Древние греки не имели обобщающего названия для всего Средиземного моря, а использовали лишь наименования его отдельных частей: Эгейское море, Критское море, море Ио (ныне Ионическое), Египетское море, Ливийское море и т. д.

39

Тартар – в древнегреческой мифологии глубочайшая бездна, нижние пространства в царстве грешников.

40

Дарик – персидская высокопробная золотая монета, основа денежной системы державы Ахеменидов.

41

Драхма – серебряная монета Древней Греции, составлявшая 1/100 мины. Равнялась 6 оболам. 6000 драхм = 1 таланту. Вес драхмы в разных весовых системах был разный. Аттическая драхма весила 4,32 г.

42

Эфоры – в Древней Спарте, а позже и в Афинах выборные должностные лица (всего было 5 эфоров), обладавшие широким и не всегда четко зафиксированным кругом полномочий.

43

Нейт – в египетской мифологии первоначально богиня неба, сотворившая мир и родившая солнце. Считалась также покровительницей цариц, богиней войны и охоты.

44

Парасанг – древняя мера длины у персов, египтян и других восточных народов, различных размеров. Обычно это расстояние, которое проходит караван до очередного привала; иначе – расстояние, которое можно пройти пешком за час. Один персидский парсанг = 5549 м.

45

Килик – древнегреческий сосуд для напитков плоской формы на короткой ножке с двумя ручками.

46

Рецина – «смола» (греч.) – самое известное и древнее греческое вино. Обладало сильным ароматом и привкусом смолы. Название связано с древней традицией герметически закупоривать амфоры с вином смесью гипса и смолы. Так вино дольше хранилось и при этом впитывало запах смолы.

47

Сикофант – доносчик, клеветник.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gladkiy_vitaliy/poveliteli-volkov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)